Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена номера 10 коп.

РАБОЧИЙ

ВСЕБЕЛОРУССКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА—ИЗДАНИЕ ЦК КП(б)Б И ЦСПСБ

№ 189 (2428) ВОСКРЕСЕНЬЕ 23 АВГУСТА 1936 г.

ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ РАЗГРОМЛЕН. ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКИЕ ИУДУШКИ РАЗОБЛАЧЕНЫ ДО КОНЦА. ВЕСЬ НАРОД ГОРЯЧО ПОДДЕРЖИВАЕТ ТРЕБОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОКУРОРА—РАССТРЕЛЯТЬ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА—ГНУСНЫХ АГЕНТОВ ФАШИСТСКОЙ ОХРАНКИ—ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКУЮ БАНДУ

НЕИССЯКАЕМА ЛЮБОВЬ, БЕЗГРАНИЧНА ПРЕДАННОСТЬ НАРОДОВ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА ПАРТИИ И ДОРОГОМУ СТАЛИНУ

ЧАС ВОЗМЕЗДИЯ

Обвинительная речь Прокурора Союза ССР на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра явилась блестящим анализом и разоблачением всей «деятельности» своры убийц, возглавляемой трижды презренными Троцким, Зиновьевым и Каменевым в тесном союзе с германской фашистской охранкой.

«Этот процесс,—говорил в своей обвинительной речи тов. Вышинский,—вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма, процесс показал как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидающиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц—она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа. Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду. Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли».

Эти гады мечтали потопить в крови нашу великую родину, отнять у нас нашу светлую радостную жизнь, наши завоевания, которые добыты нами в ожесточенной классовой борьбе. Когда читаешь показания этих агентов из фашистской Гестапо, кулаки сжимаются от злобы и негодования. Все выше и выше вздымается мощная волна народного гнева против подлых, презренных наймитов буржуазии.

В кого метили Троцкий, Зиновьев, Каменев и возглавляемая ими свора псов фашизма? Они направляли свой удар против того, кто в суровой борьбе с троцкистами, зиновьевцами, с правыми оппортунистами, со всеми врагами социализма отстоял теорию Маркса—Ленина, развил и обогатил ее; против того, кто является организатором побед социализма, вдохновителем и творцом нового социалистического общества; против того, кто является мозгом и сердцем нашей родины, чье имя с величайшей любовью, надеждой и преданностью произносит все трудящееся человечество.

Троцкий взял лично на себя организацию террористических актов. Своих отборных молодчиков он отправлял на выучку к палачу немецкого народа Гимлеру — руководителю фашистской Гестапо. Эти гнусные выродки потеряли человеческий облик. Их злодеяния затмили самые дикие преступления, которые совершали когда-либо самые закоренелые разбойничьи банды. Они пытались поколебать устои пролетарской диктатуры, помочь поджигателям войны быстрее разжечь пожар войны против СССР. Они хотели обстрелять ленинско-сталинский штаб нашей партии, нашей родины из фашистских револьверов в тот момент, когда фашистская Германия и ее союзники лихорадочно готовятся к тому, чтобы обстрелять СССР из фашистских пушек.

«Эти господа признавали, — говорил тов. Вышинский,—что у них не было никакой программы, однако, кое-какая «программа» у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики. Внутренняя политика определялась в их программе одним словом—убить».

Потопить страну в крови интервенции, предать ее германскому фашизму—таков был их внешний курс. Банда убийц и уголовных преступников стремилась через убийства добиться власти. В этом они цинично и откровенно сами признались. Такова логика классового врага, борющегося против страны социализма. «Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало. Жажда личной власти—вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых».

Фашистские убийцы просчитались. Советский народ глубоко предан нашей партии. Как яркое солнце горит его любовь к вождю товарищу Сталину. Железной стеной он сплочен вокруг ленинско-сталинского Центрального Комитета, вокруг товарища Сталина, его оберегая, как свое собственное сердце, готовый отдать свою кровь за родину, за революцию, за товарища Сталина.

Под руководством нашей партии, под руководством великого Сталина мы построили прекрасное здание социализма и идем вперед, одерживая одну победу за другой. Невиданно укрепилась мощь и обороноспособность нашей страны. Генеральная ленинско-сталинская линия нашей партии победила во всем окончательно и бесповоротно. Но все новые и новые успехи нашей страны вызывают все большее бешенство и все более отчаянное сопротивление наших врагов.

«... Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б),—заявил в показании один из главарей этой банды Каменев,—вызвали у нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и, в первую очередь, к Сталину». Эту тактику врага товарищ Сталин гениально предвидел еще ряд лет тому назад. Он говорил:

«Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эс-эров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв».

Советский народ единодушно одобряет и поддерживает требование Прокурора Союза ССР — расстрелять эту банду убийц и воров, агентов Гестапо. Советский народ требует беспощадной кары и над врагами народа Сокольниковым и Серебряковым, которые были разоблачены в ходе процесса. Советский народ единодушно требует строгого и тщательного расследования причастности к этой шайке бывших лидеров правой оппозиции Бухарина, Рыкова, Угланова, Томского, а также Радека и Пятакова. Решительно и беспощадно очистить советскую землю от всех врагов.

Мы утроим, удесятерим нашу бдительность. Бдительность—вот то качество, которое особенно необходимо теперь большевику. И это требование вождя мы выполним, как священный долг. Как верные часовые стоим мы на страже безопасности и защиты великой нашей родины, нашего вождя товарища Сталина, наших руководителей партии и правительства.

Смерть врагам советского, народа, врагам социалистической родины!

НАШ СТАЛИН—ЭТО НАША ЖИЗНЬ

МОГИЛЕВ. 22. Нарастает волна гнева и ненависти к бандитам из контрреволюционного троцкистско-зиновьевского болота. В колхозах района проходят митинги и собрания. Как один все колхозники требуют расстрелять наймитов фашизма из троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Внимательно слушали колхозники артели «Чырвоны партызан» чтение обвинительного заключения. После чтения 80-летний колхозник **Парфеенко Никанор** высказал мнение всех колхозников. Он сказал:

— Подлецы готовили покушение на нашего дорогого Сталина. Этим они покушались на нашу радость жизни. Я прожил 80 лет и никогда не было для меня человека такого близкого и родного, как Сталина. Наш Сталин — это наша жизнь. Своих вождей мы всегда защитим от всяких гадов. Никакой пощады этим иродам, их нужно расстрелять!

* * *

СМОЛЕВИЧИ, 22. В колхозах Прилепского, Варатовского, Амельяновского и др. сельсоветов состоялись многолюдные митинги в связи с судом над контрреволюционерами-троцкистами и зиновьевцами.

В своих резолюциях колхозники требуют от пролетарского суда приговорить эту озверелую свору бандитов к высшей мере наказания.

Общегородское собрание партийного актива

Сегодня, 23 августа в 7 часов вечера, в большом зале Дома партактива созывается общегородское собрание партийного актива города Минска.

Билеты в горрайкомах КП(б)Б.

Секретарь Мингоркома КП(б)Б ХОДАСЕВИЧ.

ЦК ВКП(б)—товарищу СТАЛИНУ

(Письмо рабочих краснознаменного завода „Большевик")

Судебное следствие по делу подлой троцкистско-зиновьевской банды убийц закончено. Оно целиком подтвердило обвинительное заключение Прокуратуры СССР. До конца перед всем миром разоблачены трижды презренные, продажные агенты германской охранки—Троцкий, Зиновьев, Каменев и их приспешники.

Великий священный гнев народа, подобно снежной лавине в горах, нарастал все больше и больше по мере того, как судебное следствие вскрывало все новые детали чудовищного злодеяния, задуманного выродками человечества—троцкистско-зиновьевскими бандитами.

Суд показал, что Троцкий, Зиновьев, Каменев с их приспешниками и фашистская Гестапо—это одно и то же. Их метод—кровавый террор. Их цель — потопить в крови первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян. Подлые убийцы знали, что наш советский народ силен и непобедим своим ленинско-сталинским ЦК, непобедим своим великим Сталиным. В этот мозг и сердце народа направляли свой удар фашистские злодеи.

Проклятые, трижды презренные убийцы! Они знали, что Вы, товарищ Сталин, для советского народа это все, что Вы—наша величайшая радость и гордость, что Сталин—солнце, осветившее и согревшее нашу жизнь.

Покушаясь на Сталина, они хотели в крови народа потопить нашу Великую революцию, уничтожить наши величайшие победы, завоеванные под руководством Сталина в жестоких боях с классовым врагом.

Сталин! Это наше самое дорогое, самое любимое имя. С одинаковой любовью произносится это имя всеми нами, нашими детьми, нашими женами, нашими стариками-отцами. Сталинское сердце согревает всех нас—от мала до велика. Жизнь Сталина—это наша жизнь. Дело, за которое борется Сталин, это наше кровное, родное дело, это дело всего трудового человечества.

Вот почему нет границ нашему гневу и ненависти к этим бешеным псам контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды.

Вечное проклятие главарю бандитской шайки—Иуде Троцкому! Вечное проклятие Зиновьеву, Каменеву и всем их сообщникам! Наш советский народ единодушно вынес приговор этим негодяям. Расстрелять—вот приговор народа.

Мы требуем самого строгого расследования всех материалов о причастии к делу троцкистско-зиновьевской банды бывших лидеров правой оппозиции—Томского, Бухарина, Рыкова и их сообщников, а также Радека, Пятакова. Мы, рабочие, полностью одобряем распоряжение прокурора СССР тов. Вышинского о привлечении к суду разоблаченных на процессе сообщников троцкистско-зиновьевской своры Сокольникова и Серебрякова. Преступный клубок должен быть распутан до конца. Всякий, кто хоть в малейшей степени причастен к этому гнусному замыслу злодеев, должен быть осужден пролетарским судом как изменник, как злейший враг народа.

Наша родина должна быть раз и навсегда очищена от фашистской мрази, политических авантюристов и подлых убийц.

Враг должен быть истреблен до основания. Сталин принадлежит нам—партийным и непартийным большевикам, рабочим, колхозникам, специалистам, ученым, всему нашему 170-миллионному героическому народу и трудящимся всего мира. Знамя Сталина—есть знамя победившего социализма в нашей могучей, прекрасной стране. Под знаменем великого Сталина социализм победит во всем мире.

Стеной бесстрашных наш великий народ окружил своего Сталина и ленинско-сталинский ЦК. Пусть скажет Сталин, и все мы, от мала до велика, сотрем с лица земли любого врага, под какой бы маской он ни скрывался.

Да здравствует наш родной учитель и вождь, бесстрашный великий Сталин!

Письмо обсуждено и единогласно принято 22 августа 1936 г. рабочими вечерних смен минского краснознаменного кожевенного завода «Большевик».

Голос ученых

Дорогой наш вождь и учитель тов. Сталин!

Нет слов для выражения того негодования и протеста, которые обуревают каждого из нас при чтении материалов суда над троцкистско-зиновьевскими террористами.

Подобной подлости, двурушничества, мерзости не видел мир. Презренные лакеи фашизма осмелились поднять руку на величайшего в мире человека. Может ли быть что-нибудь подлее! Трудно выразить свой гнев, трудно найти меру возмездия этим бандитам, спевшимся с оголтелым фашизмом. Кажется, и расстрела мало для них!

Мы, работники Академии Наук БССР, обращаемся к Вам, тов. Сталин, с этим письмом, чтобы выразить всю силу нашего возмущения к этим презренным выродкам и всю силу нашей любви к Вам, вождю и учителю, давшему жизнь многомиллионной, многонациональной семье народов великого Советского Союза.

Благодаря Вам, благодаря партии, проводящей в жизнь единственно правильную ленинско-сталинскую национальную политику, Белоруссия из ранее заброшенной колонии русского царизма превратилась в одну из передовых, цветущих, орденоносных республик Советского Союза, она обрела свою государственность.

Велики материальные богатства Белоруссии, грандиозен ее культурный рост!

БССР, только 18 лет тому назад не имевшая ни одной высшей школы, имеет теперь республиканскую Академию Наук, которая занимает одно из видных мест в научной жизни всего Союза.

Всего лишь за 30 километров, по ту сторону границы встает перед нами проклятое прошлое Белоруссии. Нищий, голодный край, деградирующий под пятой оголтелого фашизма.

И вот, сидящая на скамье подсудимых свора бандитов ставила ставку на возврат нашей родины к ее проклятому прошлому. Нет и не может быть пощады наглым фашистским убийцам!

Мы просим Вас, любимый, дорогой товарищ Сталин,—берегите себя. Ваша жизнь—это наша жизнь, жизнь всего народа. А мы, ученые пограничной республики, со своей стороны, несокрушимой стеной еще теснее сомкнемся вокруг Вас и партии; сплотим свои ряды так, чтоб через них не могла пролезть ни одна шваль, которую Троцкий и фашистская охранка попытались бы перебросить через нашу границу. Мы максимально усилим свою бдительность и непримиримость к врагу.

Академик Я. Н. АФАНАСЬЕВ—директор Института агропочвоведения.

Профессор А. М. ЖИРМУНСКИЙ—директор Института геологии и гидрологии.

Профессор Н. А. ДОРОЖКИН—директор Института биологии.

Профессор М. П. ТОМИН—и. о. директора Центрального ботанического сада.

Профессор Е. И. ПРОСКОРЯКОВ.

„Пусть знают фашисты—на границе найдут они гибель свою"

Трудно передать словами ту бурю грозного гнева народа и огненной ненависти трудящихся нашей великой родины, которую вызвала к себе омерзительная троцкистско-зиновьевская шайка бандитов. Не находя абсолютно никакой опоры в народных массах, эти трижды презренные негодяи, пошли на крайнее средство борьбы с партией, на путь индивидуального террора.

Весь путь этих подлых двурушников—это длинная цепь чудовищных предательств и измен рабочему классу и его партии. Читая материалы суда, невольно содрогаешься—на какие только злодеяния не способны эти подонки человечества! Дела знаменитого провокатора Азефа бледнеют перед подлостью и низостью убийц из троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Враги трудового народа сомкнулись с фашистскими охранками и стали их прямыми агентами в борьбе против партии и советского государства. Матерой провокатор и бандит Троцкий совместно с фашистской контрразведкой систематически перебрасывал на нашу территорию убийц и шпионов.

Готовя террористические акты против наших вождей, злодеи и двурушники думали этим внести замешательство в наши ряды и тем расчистить дорогу для германского фашизма в случае нападения на страну Советов. Но враги просчитались! Пусть знают все изменники и предатели, опричники Троцкого и Зиновьева и закадычные друзья их—оппортунисты всех мастей—никогда не осуществятся их злодейские замыслы. Великий, многомиллионный советский народ в едином порыве сплочен вокруг большевистской партии, вокруг своего любимого вождя товарища Сталина. Народ беспощадно раздавит всех ползучих гадов, всех провокаторов!

Пусть знают германские фашисты и крепко зарубят себе на носу, что никогда, никогда их подлая нога не вступит на священную землю нашей родины. И если оголтелые поджигатели войны осмелятся на нас напасть, они на границе же нашей земли найдут свою гибель.

Наши воздушные корабли всегда на готове. Высока боевая выучка наших летчиков-стахановцев. Вся комсомольская организация нашей части переходит сейчас на стахановский метод работы в деле дальнейшего повышения своей боевой подготовки.

... И если нужно будет, по первому зову партии и правительства, Красная авиация, как и вся наша доблестная, могучая Красная армия, окруженная любовью всего советского народа, с честью выполнит свой долг. Враг будет разгромлен и добит на его же территории.

Летчик ЕЛЕНИН, Иван Дмитриевич,—командир стахановского подразделения.

Нет предела народному гневу

ПЕТРОПАВЛОВСК-НА-КАМЧАТКЕ, 22 августа ((БЕЛТА). Со всех концов области поступают полные возмущения отклики трудящихся на процесс троцкистско-зиновьевской банды. Нет предела народному гневу. Бригада охотников острова Беринга заявляет: «Возмущенные до глубины души подлыми вылазками предателей, покушавшихся на жизнь вождей, которые дали нам свободу и счастливую жизнь, мы требуем высшей меры наказания для контрреволюционеров».

Трудящиеся Анадыря, чукчи и эскимосы в принятой на собрании резолюции пишут: «Подлые бандиты покушались на жизнь великого Сталина, хотели потушить солнце, которое горит и светит нам даже в полярную ночь. Врагам не может быть пощады».

Пограничники Петропавловска в своих выступлениях говорят: «Нет слов, чтобы выразить гнев и возмущение гнусными поступками презренных прихвостней фашизма. Мы требуем беспощадной расправы с теми, кто пытается вонзить нож в спину революции».

Многолюдные собрания проходят во всех учреждениях, на предприятиях, в колхозах, на пароходах, зверобойных судах и т. д.

Мы требуем самого серьезного и тщательного расследования причастности Томского, Бухарина Рыкова, Угланова, Радека и Пятакова к троцкистско-зиновьевской банде

Нет пощады врагам народа Сокольникову и Серебрякову!

Как только стало известно о заявлении тов. Вышинского о привлечении к суду контрреволюционеров Серебрякова и Сокольникова и производстве расследования о причастности к контрреволюционному блоку Томского, Бухарина, Угланова, Рыкова и Пятакова,—на минской фабрике им. Кагановича состоялся митинг рабочих вечерней смены первого пошивочного цеха.

«Из опубликованных в газетах материалов судебного следствия мы видим, как хитро маскировали презренные враги народа свою деятельность, как чудовищно подло и вероломно они боролись против партии и советского народа,—сказал фрезеровщик тов. **Гитлиц**.—Мы знаем, как расценивали эти иуды-предатели свои «покаянные» речи и выступления. Поэтому нельзя быть уверенным в том, что бывшие троцкисты и лидеры правой оппозиции окончательно разоружились. Всецело поддерживаем заявление тов. Вышинского о привлечении к суду Сокольникова и Серебрякова и о начале расследования деятельности остальных. Мы требуем самого сурового наказания преступников и тщательного расследования причастности остальных».

Тов. **Гельфанд** сказал:

«Презренные враги народа, они стремились к власти. Но пролетариат не пошел за ними, не поддержал их и никогда не поддержит. Мы должны еще больше усилить свою бдительность. Ведь и у нас в Минске, в частности, и на нашей фабрике выявлены были приспешники этих гнусных выродков.

Заявление тов. Вышинского о привлечении к суду Серебрякова и Сокольникова и к следствию Томского, Бухарина, Радека Рыкова, Угланова и Пятакова—акт большевистской бдительности. Всемерно повысить свою бдительность должны и все мы. Одновременно мы должны отлично и экономно работать, еще более укрепляя этим победы социалистического строительства, того строительства, которое так упорно пытались сорвать презренные враги советского народа. Еще теснее сплотимся мы вокруг коммунистической партии и любимого вождя товарища Сталина».

В принятой резолюции рабочие единодушно одобряют заявление тов. Вышинского и требуют самого сурового наказания врагов советского народа Сокольникова и Серебрякова и строжайшего расследования причастности к этому гнусному делу остальных лиц. Рабочие заявляют о своей готовности работать еще лучше, о своей беспредельной преданности коммунистической партии, ее сталинскому ЦК и любимому вождю народов товарищу **Сталину**.

Товарищу СТАЛИНУ

(Письмо курсантов, командиров, преподавателей и политработников ОБВШ имени Калинина М. И., принятое на собрании)

Наш любимый отец, друг, учитель и вождь Иосиф Виссарионович! Трудно передать ту ненависть к врагам народа, которая охватила нас, курсантов, командиров, преподавателей и политработников ОБВШ, когда мы узнали о тех изуверских методах борьбы, которыми пользовались троцкистско-зиновьевские гады.

Трудно передать ненависть к бандитам, потерявшим всякий человеческий облик, направлявшим свой удар в самый мозг, в самое сердце партии и трудящихся Советского Союза и всего мира.

Эти подонки, эта мразь человеческого общества, знали, как велика любовь к Вам со стороны трудящихся Советского Союза, знали неизмеримую любовь миллионных масс, готовых в любую минуту отдать свою жизнь за дело **Ленина—Сталина**, дело партии, созданной Лениным и Вами, знали, что Ваша жизнь дороже всего трудящимся всего мира.

Эти иуды-предатели, подлые продажные агенты фашизма, на чьих руках еще не высохла кровь нашего незабвенного С. М. **Кирова**, метили вырвать из наших рядов того, чья жизнь целиком принадлежит трудящимся всего мира.

Но враги и на этот раз просчитались, забыв о том, что на страже нашей любимой родины стоят славные работники НКВД, неустанно охраняющие революцию и жизнь наших любимых вождей от вражеских покушений.

Забыли о том, что на страже социализма стоит вся Красная Армия, все трудящееся население нашей родины.

И в эти дни, как никогда, тесны и монолитны наши ряды, ряды партийных и непартийных большевиков вокруг партии **Ленина—Сталина**.

В дальнейшей нашей работе мы будем еще зорче следить за врагами, еще теснее окружим преданностью партию большевиков.

В любую минуту готовы мы грудью своей заслонить Вас и Ваших соратников от подлых убийц.

Клянемся Вам, что мы еще больше и лучше будем учиться, чтобы стать лейтенантами Сталинского закала.

Клянемся Вам, что все свои силы и свою жизнь посвятим мы укреплению обороноспособности нашей любимой родины, а если надо будет, то за дело коммунизма отдадим свою жизнь в героической борьбе с врагами.

Клянемся Вам, родной наш тов. **Сталин**, работать, учиться и любить дело революции так, как любите Вы.

Пусть враги нашего народа запомнят, что пощады от нас они не получат и на каждую попытку этих гадов вредить нам, мы будем им отвечать беспощадной борьбой и физическим уничтожением.

В свою очередь, мы просим Вас больше беречь свою жизнь, которую Вы целиком посвятили делу революции.

Для нас Вы являетесь отцом, надеждой и радостью. Имена **Ленина—Сталина** есть знамя борьбы за дело революции, за дело коммунизма.

Шлем Вам свой горячий красноармейский привет и пожелание многих и многих лет Вашей прекрасной жизни.

Смерть фашистским прихвостням!

ВИТЕБСК, 22 (БЕЛТА). С исключительным вниманием следят трудящиеся Витебщины за ходом процесса по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. Газеты раскупаются нарасхват. На фабриках, заводах и в колхозах проводятся митинги, собрания.

— В ответ на подлые действия троцкистско-зиновьевской своры, мы еще выше подымем классовую бдительность,—говорит бригадир костюмного цеха фабрики «Знамя индустриализации» **Шлепаков**.

Инициатор стахановского движения на фабрике Нина **Сарбай** призывает всех рабочих и работниц еще теснее сплотиться вокруг партии и любимого вождя Сталина. На радость нашей страны и на зло врагам покажем новые образцы стахановской работы,—говорит она. Работницы Сарбай, Кацман и др. обязались к годовщине стахановского движения стать двухсотницами.

Заслушать информацию об обвинительном заключении собрались все колхозники сельхозартели им. Кирова. «Троцкому, Зиновьеву и другим гадюкам,—говорит колхозник **Радченко** Иван,—не нравится, что колхозное крестьянство живет зажиточно, радостно и счастливо. Эти бандиты посягали на жизнь наших вождей, на жизнь родного Сталина, который дал нам счастье».

«Фашистским прихвостням Зиновьеву, Каменеву и всей их своре может быть только один приговор—расстрел——в один голос заявляют колхозники.

МОЗЫРЬ, 22 (БЕЛТА). Трудно найти слова, чтобы высказать ненависть и презрение рабочих и колхозников Мозырщины к подлым выродкам—троцкистам и зиновьевцам.

Рабочие фабрики «Профинтерн» на своем митинге заявили: Они отважились поднять свои грязные руки на любимых вождей и за это должны быть наказаны смертью.

— Радостную колхозную жизнь,—говорит колхозница Мицура Люся из колхоза им. Ворошилова,—дал нам Сталин, который дорог нам, как дорога нам жизнь. Троцкистско-зиновьевским бандитам, которые готовились убить Сталина, наш приговор—расстрел.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Утреннее заседание 21 августа

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ГОЛЬЦМАНА

Утреннее заседание 21 августа начинается с допроса подсудимого Гольцмана.

Гольцман — один из активнейших участников троцкистской контрреволюционной организации, лично связанный с руководителем троцкистского центра в СССР — Смирновым И. Н.

По поручению Смирнова он поддерживал связь с заграничным троцкистским центром.

В 1932 году он получил лично от Л. Троцкого директиву о подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Гольцман показывает, что со Смирновым он знаком с 1918 года. В 1926 г. Гольцман примкнул к троцкистской организации. Порвав впоследствии формально с троцкистами, он продолжает встречаться с троцкистами, в частности со Смирновым. После продолжительного увиливания от признания своей нелегальной троцкистской деятельности Гольцман, отвечая на в упор поставленные ему тов. Вышинским вопросы, показывает, что в 1931 г. он «случайно» встретился со Смирновым на улице. Смирнов предложил ему встречаться на квартире у своей матери. В 1932 году Гольцман пришел на свидание и сообщил Смирнову, что его хотят вскоре командировать за границу, но «он отказывается и едет неохотно». Смирнов посоветовал ему поехать. Гольцман согласился командировку принять и поехать за границу. Смирнов предложил ему зайти перед от'ездом еще раз.

Перекрестным допросом Гольцмана и Смирнова устанавливается, что Смирнов держал Гольцмана на особо конспиративном положении, используя его для особо конспиративных поручений.

Между Гольцманом и тов. Вышинским происходит следующий диалог:

Вышинский: Я спрашиваю, были ли вы законспирированным членом троцкистской организации, действовавшей под руководством Смирнова? Признаете вы себя здесь, перед пролетарским судом, в этом виновным или нет?

Гольцман: Да.

Далее государственным обвинителем устанавливается, что встречи на квартире матери Смирнова не были случайными и что квартира эта служила постоянной явкой для встреч Гольцмана со Смирновым. Устанавливая обстоятельства встреч Гольцмана со Смирновым на квартире его матери, тов. Вышинский задает Гольцману ряд вопросов.

Вышинский: Значит, вы знали, что в известное время вы Смирнова застанете на квартире его матери?

Гольцман: Да.

Вышинский: Это была троцкистская явка Смирнова?

Гольцман: Как теперь выясняется, да.

Подсудимому Гольцману не удается также, несмотря на его многочисленные попытки, отвертеться от того факта, что он оставался, по заданиям троцкистского центра, законспирированным троцкистом внутри партии.

Вышинский: Вы формально были в партии?

Гольцман: Да.

Вышинский: Одновременно вы были троцкистом?

Гольцман: Троцкистом.

Вышинский: И...

Гольцман: Контрреволюционером.

Вышинский: И двурушником?

Гольцман: Да.

Перед своим от'ездом за границу Гольцман пришел на явку и встретил там Смирнова. Смирнов сказал Гольцману, что во время своего пребывания в Берлине он должен встретиться с сыном Троцкого — Седовым. Смирнов сообщил Гольцману, что он даст ему доклад, который надо передать Седову для Троцкого. Доклад, как подтверждает и Гольцман и Смирнов, надо было доставить лично Седову для передачи Троцкому. Смирнов дал Гольцману номер телефона, по которому он должен был вызвать Седова. Тут же Смирнов сообщил ему пароль, который гласил: «Я привез привет от Галі». Последующими показаниями устанавливается, что Смирнов также сообщил Гольцману шифр для переписки с Троцким, для которого использовались определенные страницы книги «Тысяча и одна ночь».

По приезде в Берлин, показывает Гольцман, он созвонился с Седовым по телефону и условился о встрече, которая состоялась около Зоологического сада. Так как Гольцман и Седов друг друга не знали, они условились, что оба будут держать в руках по одному экземпляру газет «Берлинер тагеблатт» и «Форвертс». Встретившись с Гольцманом, Седов предложил ему сесть в машину.

«Мы поехали, — продолжает свое показание Гольцман. — Я улицы не помню. Седов завез меня на одну квартиру, где никого не было. Это было на четвертом этаже, и там я передал ему этот доклад, передал шифр... Таким образом я с ним встречался раз шесть—восемь в продолжение четырех месяцев. В ноябре я опять позвонил Седову, и мы снова встретились. Седов сказал мне: «Так как вы собираетесь ехать в СССР, то было бы хорошо, чтобы вы со мной поехали в Копенгаген, где находится мой отец».

Вышинский: То-есть?

Гольцман: То-есть Троцкий.

Вышинский: Вы поехали?

Гольцман: Я согласился. Но заявил ему, что ехать вместе нам нельзя по конспиративным соображениям. Я условился с Седовым, что через два—три дня я приеду в Копенгаген, остановлюсь в гостинице «Бристоль», и мы там встретимся. Прямо с вокзала я пошел в гостиницу и в фойе встретился с Седовым.

Около десяти часов утра мы приехали к Троцкому. Когда мы пришли к Троцкому, он прежде всего интересовался настроениями и отношением партийных масс к Сталину. Я ему сказал, что собираюсь сегодня уехать из Копенгагена и через несколько дней уеду в СССР. Тогда Троцкий в довольно возбужденном состоянии, расхаживая по комнате, сказал мне, что он готовит письмо для Смирнова, но, в виду того, что я уезжаю в этот же день, он этого не сделает. Должен сказать, что во все время разговора с Троцким я был с ним один-на-один. Очень часто приходил и выходил из комнаты сын Троцкого Седов.

Гольцман показывает, что в дальнейшей беседе с ним Троцкий высказался за то, что «нужно убрать Сталина». По этому поводу происходит следующий диалог между государственным обвинителем и подсудимым:

Вышинский: Что значит «убрать Сталина»? Раз'ясните.

Гольцман: Я скажу об этом. Дальше Троцкий говорил, что если Сталин будет убран, то тем самым возможно, что троцкисты придут к власти и руководству ВКП(б). Он сказал при этом, что единственный способ убрать Сталина — это террор.

Вышинский: Троцкий прямо так и сказал?

Гольцман: Да. Для этого, как он сказал, нужно подобрать кадры ответственных и способных на это дело людей. И дальше он сказал, что это нужно передать Смирнову, не говоря об этом никому другому.

Вышинский: Только Смирнову?

Гольцман: Да. В этот момент вошел Седов и начал торопить, чтобы мы окончили разговор. На этом наш разговор был окончен и я вышел.

Вышинский: Значит, Троцкий вам прямо сказал, что основной задачей сейчас (это значит, осенью 1932 г.) является убийство товарища Сталина? Вы это твердо помните?

Гольцман: Да.

Вышинский: Значит, в этом заключалась директива Троцкого?

Гольцман: Да, Троцкий не мог ее изложить в письменном виде, а поэтому я принял в устной форме и передал ее точный смысл по приезде в Москву.

Вышинский: Это была устная директива Троцкого?

Гольцман: Да.

В дальнейшем ходе допроса Гольцман пытается увильнуть от ответственности, заявляя, что он не разделял точки зрения Троцкого на террор. Обвиняемый тут же изобличается в том, что, вернувшись в СССР, он продолжал оставаться в подпольной троцкистской организации, продолжал встречаться с троцкистами. В заключение допроса тов. Вышинский окончательно изобличает Гольцмана.

Вышинский: Мы знаем, что Смирнов через некоторое время директиву о терроре получил и без вас. Я вас обличаю в том, что вы получили эту директиву. Вы знали, что у троцкистов уже имеется установка на террор, и при этих условиях вы продолжали оставаться троцкистом?

Гольцман: Да.

Вышинский: Продолжали связь с троцкистами?

Гольцман: Да.

Вышинский: Следовательно, вы продолжали быть членом троцкистской организации?

Гольцман: Да.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО Н. ЛУРЬЕ

Допрашивается подсудимый Натан Лурье. По специальному поручению троцкистской организации он прибыл из Берлина в СССР для совершения террористических актов. Вся его троцкистская деятельность, начиная с 1927 года, была направлена на подрыв мощи советского государства.

Вышинский: С кем вы прежде всего сблизились, сделавшись троцкистом?

Н. Лурье: С Моисеем Лурье.

Вышинский: Когда произошло это сближение?

Н. Лурье: В конце лета 1927 года.

Вышинский: Когда у вас возникли террористические настроения, намерения, террористические планы?

Н. Лурье: Все годы, которые я провел в троцкистской организации в Германии, они сводились, в конце концов, как меня воспитывала троцкистская организация, к возбуждению ненависти к Сталину и руководству ВКП(б). В начале 1932 года Моисей Лурье мне сказал, что пора ехать в СССР и проводить там террористическую работу. Это его указание не было для меня неожиданностью. Оно логично вытекало из всей предыдущей работы. Я приехал в апреле 1932 года в СССР с заданием связаться там с троцкистами, которых я знал по Германии, и вместе с ними проводить террористическую работу.

Н. Лурье начал с установления в Москве связей с троцкистами, прежде всего, с теми, которых он знал по Германии: Константом и Липшицем.

Н. Лурье: Константу я рассказал об установке на террор, которую я получил от троцкистской организации через Моисея Лурье. Констант мне сказал, что для него это не новость. Они тоже имеют установку на террор и даже практически приступили к его осуществлению. Он мне рассказал, что у них есть террористическая группа, в которую входят Констант и Липшиц, а также один немецкий инженер, архитектор Франц Вайц.

Вышинский: Кто такой Франц Вайц?

Н. Лурье: Франц Вайц был членом национал-социалистской партии Германии, прибыл в СССР по поручению Гимлера, который в то время был начальником охранных отрядов, впоследствии Гимлер стал начальником Гестапо.

Вышинский: Франц Вайц был его представителем?

Н. Лурье: Франц Вайц приехал в СССР по поручению Гимлера для проведения террористических актов.

Вышинский: Откуда вы это узнали?

Н. Лурье: Сперва мне рассказал об этом Констант, а потом сам Франц Вайц.

То обстоятельство, что во главе террористической группы стал прямой агент немецкой политической полиции, нисколько не смутило Н. Лурье и его троцкистскую компанию.

— Я пришел к заключению, — говорит Н. Лурье, — что если троцкисты перешли к методам вооруженной борьбы, то это имеет свою логику, то-есть, если фашист предлагает свои услуги для террора, то этими услугами надо воспользоваться. Я продолжил связь с Францем Вайцем и работал под его практическим руководством.

В августе 1932 года Франц Вайц сообщил Н. Лурье, что имеется возможность совершить покушение на народного комиссара обороны СССР тов. Ворошилова. Террористическая группа получила задание фашистского охранника приступить к действию. В течение долгого времени группа Н. Лурье готовила покушение на тов. Ворошилова.

Председатель суда: Когда вы готовили покушение на тов. Ворошилова — вы длительное время занимались наблюдением за выездами тов. Ворошилова, за его машиной? Сколько времени вы посвятили подготовке покушения на тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Мы этим занимались с сентября 1932 г. до весны 1933 г.

Председатель суда: Судя по вашим показаниям, вы неоднократно выходили на улицу Фрунзе и на другие прилегающие улицы, будучи вооружены револьверами?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Вся ваша тройка была вооружена?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Так что вы совершили бы террористический акт, если бы благоприятный момент представился? Почему же это вам не удалось?

Н. Лурье: Мы видели машину Ворошилова, когда она проезжала по улице Фрунзе. Проезжала она слишком быстро. Стрелять по быстро идущей машине безнадежно; мы решили, что это не имеет смысла.

Председатель суда: Вам удавалось видеть машину тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Я ее видел и второй член группы—Павел Липшиц.

Председатель суда: Вы прекратили дальнейшие наблюдения за машиной тов. Ворошилова?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: По каким соображениям?

Н. Лурье: Потому, что мы убедились, что стрелять из револьвера не имеет смысла.

Председатель суда: На что вы переключили ваше внимание после этого?

Н. Лурье: На приобретение взрывчатых веществ.

Председатель суда: Какого характера террористической акт вы имели в виду совершить?

Н. Лурье: Террористический акт—бомбой.

Преседатель суда: Вы сказали, что переключили свое внимание на приобретение взрывчатых веществ для совершения террористического акта. Над кем?

Н. Лурье: Над Ворошиловым.

Председатель суда: На улице или в помещении?

Н. Лурье: На улице.

В июле 1933 года Н. Лурье был командирован в Челябинск на работу в качестве врача-хирурга (по специальности).

В Челябинске Н. Лурье не прекращает своей террористической деятельности и не оставляет своих террористических замыслов. Н. Лурье показывает суду, что, зная о приездах в Челябинск тт. Кагановича и Орджоникидзе, он пытался встретить их на заводе и совершить террористический акт. Эти намерения осуществить не удалось.

В январе 1936 года Н. Лурье уезжает из Челябинска, получив научную командировку в Ленинград. Будучи проездом в Москве, он встречает там Моисея Лурье, который дал ему задание — совершить покушение на тов. Жданова.

Председатель суда: Какие указания вам делал Моисей Лурье о терроре в 1934—35—36 гг.?

Н. Лурье: Я ему рассказал, что думаю совершить покушение на Орджоникидзе и Кагановича, но затем в январе месяце 1936 г. он поручил мне стрелять в Жданова на первомайской демонстрации в Ленинграде.

Председатель суда: Вы считали Моисея Лурье вашим руководителем, раз принимали такие указания?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Когда вы уезжали в Ленинград, вы приняли на себя проведение в жизнь указания М. Лурье?

Н. Лурье: Я знал, что я буду участвовать в первомайской демонстрации и, если будет возможность, я постараюсь это поручение выполнить.

Председатель суда: Вы участвовали в демонстрации?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Были вооружены?

Н. Лурье: Да, револьвером.

Председатель суда: Откуда вы достали оружие в этом году?

Н. Лурье: Оно оставалось на хранении у Константа.

Председатель суда: Когда вы взяли это оружие?

Н. Лурье: В марте 1936 г.

Председатель суда: Какой системы револьвер?

Н. Лурье: Браунинг.

Председатель суда: Какой? Средний?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Вам удалось пройти в колонны демонстрантов на площадь Урицкого?

Н. Лурье: Да.

Председатель суда: Почему вам не удалось произвести покушение на Жданова?

Н. Лурье: Мы далеко проходили.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО М. ЛУРЬЕ

На вопрос председателя М. Лурье заявляет, что полностью подтверждает свои показания, данные им на предварительном следствии.

Вышинский: Скажите, пожалуйста, обвиняемый Лурье, какие вы сделали конкретные шаги в террористической вашей деятельности?

М. Лурье: Я получил задание директивного порядка, уезжая из Берлина в Москву 4 марта 1933 года. Получил это задание от Рут Фишер и Маслова, но фактически это было задание самого Троцкого. С Рут Фишер я был связан с 1924 г., а по оппозиционной работе в зиновьевской фракции—с октября 1925 года; а с Масловым—с 1927 г. после моего возвращения из Москвы в Берлин. Характер задания следующий: Троцкий считает и настаивает, а мы, т.е. Маслов и Рут Фишер, солидарны с этой директивой Троцкого, заключающейся в следующем: необходимо ускорить организацию террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства, и в первую очередь над Сталиным. Эту директиву я принял лично в устной форме от Рут Фишер и Маслова, как я уже сказал, 4 марта 1933 года.

Вышинский: Я жду ваших об'яснений по поводу практических шагов в этом направлении.

М. Лурье: Прибыв в Москву 9 марта 1933 года, я передал эту устную директиву по назначению, а именно—бывшему личному эмиссару Зиновьева в Берлине—Герцбергу А. В. С Герцбергом я был связан по зиновьевской работе с ноября 1927 года до его от'езда в Москву, в конце 1931 года. Передал я эту директиву не позже второй половины апреля. Герцберг задание принял и сказал, что эта директива Троцкого, Рут Фишер и Маслова полностью совпадает с уже имеющимися тождественными решениями нашего центра в стране.

Отвечая на вопросы прокурора о практических шагах, предпринятых подсудимым в отношении организации террористических актов, М. Лурье сообщает о трех его встречах с Зиновьевым. В одной из этих встреч, имевшей место на квартире у Зиновьева в начале августа 1934 г., Лурье подробно информировал Зиновьева о директивах Троцкого, полученных через Рут Фишер и Маслова, о подготовке террористических актов, в частности, о деятельности группы его однофамильца—Натана Лурье.

Вышинский: Скажите, пожалуйста, вы были связаны с Натаном Лурье?

М. Лурье: Да, я был связан с Натаном Лурье, примерно, с апреля месяца 1933 г. до 2 января 1936 г.

Вышинский: Вы знали Натана Лурье, как члена подпольной троцкистской организации?

М. Лурье: Безусловно.

Вышинский: Вы знали, что в этот период Натан Лурье занимался подготовкой ряда террористических актов?

М. Лурье: Совершенно верно.

Далее М. Лурье рассказывает, как он организовывал покушение на тов. Орджоникидзе. Этот террористический акт должен был быть осуществлен во время приезда тов. Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод. Для этой цели М. Лурье предложил уезжающему на Челябинский тракторный завод Н. Лурье использовать возможный приезд тов. Орджоникидзе на завод для осуществления террористического акта.

Вышинский: Еще в каких мероприятиях по совершению террористических актов вы участвовали?

М. Лурье: Я участвовал в подготовке покушения на Жданова.

Обвиняемый подробно рассказывает, как 2 января 1936 г. он передал Натану Лурье конкретное задание об организации террористического акта против тов. Жданова, обещал ему дополнительно дать явки и связать его с террористической группой Зайделя в Ленинграде.

Далее тов. Вышинский спрашивает М. Лурье, что он еще может добавить к своим показаниям.

М. Лурье: Я могу внести некоторые дополнения к показанию Натана Лурье и о моем важном разговоре с Зиновьевым о группе Вайца. Натан Лурье сообщил мне конкретно о работе террористической группы, организованной Вайцем. Заметив мою растерянность по поводу такого союзника, Н. Лурье спросил меня, как я отношусь к этому делу. Я ответил, что мое личное отношение здесь роли не играет, что я немедленно об этом передам по назначению, сказав Н. Лурье—если ты не получишь отрицательного ответа, стало быть, ты работаешь уже с ведома центра.

Вышинский: Кого вы персонально имели в виду?

М. Лурье: Я имел связь с особо доверенным лицом Зиновьева—Герцбергом А. В. Натан Лурье не получил от меня отрицательного ответа. Группа Натана Лурье, организованная фашистом Франц Вайцем, со времени разговора Натана Лурье со мною в апреле 1933 г., работала с ведома и безусловно с согласия центра и лично Зиновьева.

В заключение допроса М. Лурье происходит следующий диалог:

Вышинский: Следовательно, вы признаете, что были в течение длительного ряда лет членом подпольной троцкистской организации?

М. Лурье: Да, полностью признаю.

Вышинский: Эта организация преследовала террористические цели?

М. Лурье: Признаю, я привез такую директиву.

Вышинский: Вы подтверждаете, что получили директиву о терроре от Троцкого через Рут Фишер и Маслова и передали ее Зиновьеву?

М. Лурье: Да.

Вышинский: Вам известно, что директива была передана?

М. Лурье: Совершенно точно.

Вышинский: Вы были связаны с группой Натана Лурье и одновременно с фашистским агентом Франц Вайцем?

М. Лурье: Да.

Вышинский: Вместе с Натаном Лурье вы подготовляли ряд покушений и дали установку на подготовку покушения против тов. Сталина?

М. Лурье: Я не принимал участия в подготовке, но передал директиву о покушении.

Вышинский: Вы дали задание подготовить покушение на Орджоникидзе и Жданова, при чем дали не только задание, но указали и связи?

М. Лурье: Да, я сказал Натану Лурье, что он еще получит явку.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ТЕР-ВАГАНЯНА

Суд переходит к допросу подсудимого Тер-Ваганяна.

Подсудимый Тер-Ваганян, отвечая на вопросы тов. Вышинского, признает, что он являлся одним из организаторов троцкистско-зиновьевского центра, а также то, что этот центр организовался на основе директивы Троцкого о терроре.

Вышинский: Директивы, своевременно переданной вам, как одному из организаторов?

Тер-Ваганян: Да.

Вышинский: Вы признаете, что вы лично также занимались подготовкой некоторых террористических актов?

Тер-Ваганян: Подготовкой террористических актов я не занимался, однако участие в работе центра я принимал.

Вышинский: Участие в террористической работе?

Тер-Ваганян: Вся работа была террористическая.

Вышинский: Вы сказали на допросе от 14 августа таким образом: «Из лиц, вошедших в об'единенный троцкистско-зиновьевский центр, о чем я подробно говорил в своих показаниях от 16 июля с. г., практически сколачиванием и подготовкой террористической группы руководили Смирнов И. Н., Мрачковский, Зиновьев и Каменев».—Вы это подтверждаете?

Тер-Ваганян: Да.

Вышинский: И добавили: «Лично я работал по заданию Смирнова и Каменева».—Вы это подтверждаете?

Тер-Ваганян: Да.

Вышинский: В 1931 году у Смирнова были настроения за насильственные методы борьбы?

Тер-Ваганян: Да, как и у всех троцкистов, окружающих Смирнова.

В дальнейших своих показаниях Тер-Ваганян, говоря о своем возвращении в Москву из Закавказья, подтверждает показания свидетельницы Сафоновой о том, что Сафонова информировала Тер-Ваганяна о поездке Смирнова за границу и о свидании последнего с Л. Седовым.

«Должен сказать, — показывает Тер-Ваганян,—что никакого разговора о том, что эта директива о терроре есть личное мнение Седова, не было. Если бы Сафонова сказала мне, что это есть личное мнение Седова, то мы бы вместе с ней посмеялись над этим, как над анекдотом. Когда вернулся Смирнов, он повторил мне и Сафоновой свой рассказ».

Отвечая на вопрос тов. Вышинского о том, из каких соображений Смирнов это отрицает, Тер-Ваганян об'ясняет суду, что Смирнов боится сказать перед судом всю правду, потому что вслед за этим ему пришлось бы назвать ряд лиц, который имел касательство к террору. В частности, говорит Тер-Ваганян, Смирнов не хочет сказать, что, начиная с 1928 года, он систематически поддерживал связь с грузинскими уклонистами. В 1932 году, после приезда из-за границы, Смирнов имел свидание с грузинскими уклонистами, которые, как известно, были настроены террористически с 1928 года.

Вышинский: Смирнов, вы подтверждаете, что были связаны с грузинскими уклонистами?

Смирнов: В 1929 году я встречался с Окуджавой.

Вышинский (обращаясь к Тер-Ваганяну): Группа Штыкгольда к какому относится времени?

Из дальнейшего опроса подсудимого Тер-Ваганяна выясняется связь И. Н. Смирнова с террористической группой Штыкгольда.

— Штыкгольда, — говорит Тер-Ваганян,—познакомил со мной в 1929 году И. Н. Смирнов, который попросил, чтобы я Штыкгольда принимал, когда он будет приезжать. Он не хотел, чтобы Штыкгольд еще с кем-нибудь виделся. Такая конспирация имела только один смысл: Штыкгольд имел какие-то особые связи, которые нужно было беречь.

На заданный тов. Вышинским вопрос И. Н. Смирнов отрицает, что он знакомил Штыкгольда с Тер-Ваганяном и что был с ним на квартире у последнего. Однако, уличаемый Тер-Ваганяном, он вынужден признать, что такая встреча могла иметь место.

Вышинский (обращаясь к Смирнову): Вы допускаете, что вы могли зайти к Тер-Ваганяну со Штыкгольдом?

Смирнов: В 1929 г. допускаю.

Вышинский: Значит, в 1929 г. вы, Тер-Ваганян и Штыкгольд встречались?

Смирнов: Возможно.

Тер-Ваганян (обращаясь к Смирнову): Это было зимой 1929—30 г.?

Смирнов: Да.

Вышинский (обращаясь к Тер-Ваганяну): Группа Штыкгольда была террористической?

Тер-Ваганян: Да, была террористической.

С осени 1931 года,—продолжает Тер-Ваганян,—начинается моя очень тесная связь и дружба с Ломинадзе. С Ломинадзе я встречался неоднократно, и при этих встречах мы вели разговоры о блоке.

Продолжая свои показания, Тер-Ваганян говорит, что в этот период начались переговоры троцкистов с зиновьевцами и «леваками» об об'единении, при чем установка на террор была совершенно ясна.

Вышинский: Когда это было?

Тер-Ваганян: После приезда Смирнова из Берлина.

Вышинский: В этот период была ясна установка на террор?

Тер-Ваганян: Да, ясна, потому что директива была уже привезена.

Тов. Вышинский, уточняя вопрос, на какой основе состоялся блок с «леваками», задает подсудимому Смирнову ряд вопросов. Из ответов Смирнова выясняется, что блок был создан на террористической основе.

Вышинский (обращаясь к Смирнову): Вы организовали блок или нет?

Смирнов: Я поручил Тер-Ваганяну вести переговоры с Ломинадзе.

Вышинский: Для чего?

Смирнов: Для об'единения.

Вышинский: Об'единение состоялось?

Смирнов: Да.

Вышинский: С «леваками»?

Смирнов: Да.

Вышинский: Вы вошли в блок?

Смирнов: Да.

Вышинский: Тогда действовала директива о терроре?

Смирнов: Да.

Отвечая на вопрос тов. Вышинского о своей личной террористической деятельности, Тер-Ваганян подчеркивает, что он проводил террористическую работу под руководством Смирнова и Каменева. В частности, он обсуждал вопрос о терроре с троцкистами Зайделем и Фридляндом. «В 1932 году,—говорит Тер-Ваганян,—при встрече с Фридляндом я ему сказал, что сейчас необходимо перейти к насильственной борьбе с партией. На его вопрос—что означают насильственные формы борьбы?—я ему ответил: ты же не ребенок—насильственные формы борьбы—это террористические формы борьбы. Это же ясно».

Рядом вопросов тов. Вышинский уточняет взаимоотношения по террористической работе между Тер-Ваганяном и Фридляндом. Из ответов Тер-Ваганяна выясняется, что Тер-Ваганян давал Фридлянду указания об организации террористических актов.

Вечернее заседание 21 августа

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ФРИЦА ДАВИДА (КРУГЛЯНСКОГО)

На вечернем заседании 21 августа последним давал показания подсудимый Фриц Давид (Круглянский), переброшенный Троцким из-за границы в качестве террориста с поручением совершить покушение на товарища Сталина. На вопрос председателя суда обвиняемый подтверждает свои показания о тех заданиях, которые он получил лично от Троцкого в Копенгагене. Чтобы не подвергать риску подпольную троцкистскую организацию, Фриц Давид в СССР ни с кем не связывался, кроме Берман-Юрина. Это было сделано, как заявляет подсудимый, по прямому указанию Троцкого.

Фриц Давид, отвечая на вопросы тов. Вышинского, подробно показывает суду, как он связался в августе 1932 года с Седовым, а через последнего с Троцким.

Вышинский: Когда вы встретились с Троцким?

Фриц Давид: Я с ним встретился в конце ноября 1932 года.

Вышинский: Как вы приехали к нему?

Фриц Давид: Я приехал по фальшивому паспорту. В одной из бесед, которую я имел с Седовым, он сказал мне, что Троцкий должен приехать в Европу и желал бы со мною повидаться.

Вышинский: Скажите, в этой встрече с Троцким у вас был разговор о терроре?

Фриц Давид: Был.

Вышинский: По чьей инициативе?

Фриц Давид: По инициативе Троцкого.

В своих показаниях о содержании беседы с Троцким Фриц Давид заявляет, что Троцкий говорил о том, что приход троцкистов к власти в СССР возможен только при условии физического уничтожения Сталина.

В качестве одной из перспектив Троцкий выдвигал пораженчество в случае войны, но подчеркивал, что «есть более близкая перспектива прихода троцкистов к власти—перспектива физического устранения Сталина».

Вышинский: Как вы отнеслись к этой мысли?

Фриц Давид: Я эту вторую перспективу принял.

Вышинский: Вы так и сказали ему, что вы эту установку принимаете, что вы согласны?

Фриц Давид: Да.

Вышинский: Что же дальше произошло?

Фриц Давид: Дальше Троцкий дал мне две директивы. Первая директива касалась конспирации.

Вышинский: Вы сказали ему, что вы возьмете на себя террористическое поручение?

Фриц Давид: Да. Он предложил мне поехать в СССР и совершить террористический акт лично, без помощи других, без какой-нибудь организации, без связи с другими троцкистами.

Вышинский: К этому и сводилась директива о конспирации?

Фриц Давид: Да, Троцкий мне говорил, что это дело связано с риском и что не имеет смысла ввязывать в этот риск троцкистскую организацию в СССР. Вторая директива касалась того, что этот террористический акт должен носить международный характер, произведен на международном собрании. Этот выстрел, по выражению Троцкого, должен прогреметь на весь мир.

Вышинский: Этим и закончилась ваша беседа?

Фриц Давид: Этим и закончилась наша беседа, очень длинная. Кроме того, Троцкий говорил еще, например, о том, что разговоры о несовместимости индивидуального террора с марксизмом—это тема для мещан от марксизма.

Вышинский: Какие еще инструкции давал вам Троцкий?

Фриц Давид: Троцкий предложил мне держать себя в СССР так, чтобы не проявлять никаких уклонов от генеральной линии партии, чтобы я своих выступлениях в печати я строго придерживался линии партии и чтобы после совершения террористического акта я ни в коем случае не раскрывал нитей.

Приехав в марте 1933 года в СССР, Фриц Давид встретился с Берман-Юриным, который его разыскал по поручению Седова. Фриц Давидом и Берман-Юриным были разработаны два конкретных плана покушения на товарища Сталина: первое покушение—на 13-м пленуме ИККИ, второе—на VII конгрессе Коминтерна. Эти замыслы сорвались, так как на 13-м пленуме товарищ Сталин не присутствовал. На конгресс Коминтерна проник только один Фриц Давид, так как для Берман-Юрина он не сумел достать билета. Фриц Давид, по его словам, не смог совершить террористического акта потому, что приблизиться к товарищу Сталину было невозможно.

(Продолжение см. на 5 стр.).

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Речь государственного обвинителя Прокурора СССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Товарищи судьи, товарищи члены Военной коллегии Верховного суда Союза!

Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей—обвиняемых в совершении тягчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых, в течение многих лет нанизывавших одно преступление на другое в своей борьбе против Советского государства, против Советской власти и нашей партии, против всего нашего Советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей Советского государства. Чудовищны преступления этой банды, людей не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова.

Но как бы ни были чудовищны эти преступления и как бы ни были мы все глубоко взволнованы и возмущены этими кошмарными и ужасными преступлениями, — вы, товарищи судьи, как это и подобает советскому суду и советскому правосудию, с глубоким спокойствием взвешивали и оценивали проходившие перед вашими глазами факты, связанные с преступной деятельностью этих людей, имена которых давно уже покрыты всенародным презрением и всенародным позором. Мы подошли сейчас к концу нашего судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Мы делаем последние выводы, готовясь, может быть, через несколько часов выслушать ваш приговор,—приговор суда Советской страны, требующей и ожидающей от вас справедливого, непреклонного и неумолимо сурового решения участи этих людей, этих презренных убийц, этих подлых и наглых врагов Советской земли, Советского народа. Мы строим новое социалистическое общество, новое Советское государство в тяжелых условиях классовой борьбы, в условиях жестокого сопротивления последних остатков разгромленных и пущенных нами ко дну эксплоататорских классов.

Каждый шаг нашего продвижения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих против нас все силы старого мира, всю накипь, мобилизующих и бросающих на борьбу с нами самые преступные, самые отчаянные, самые разложившиеся бесчестные элементы.

Ленин учил, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены»*). Так было и будет, чтобы буржуазия и мелкобуржуазная стихия не боролась против Советской власти, действуя не только приемами Савинковых, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, потоками лжи и клеветы, но и используя все и всякие элементы разложения, пускаясь во все тяжкие и позорные преступления.

Товарищ Сталин предупреждал, что «надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв»**).

Три года тому назад товарищ Сталин предсказал возможность оживления разгромленных контрреволюционных групп. Этот процесс полностью и отчетливо доказал всю гениальность этого предсказания.

Этот процесс, «герои» которого связали свою судьбу с фашистами, с агентами полицейских охранок, «герои» которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против Советского государства.

Этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма, процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидающиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц—она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей Советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательного и чудесного человека, светлого и радостного, как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова, они ранили нас совсем близко к самому сердцу. Они думали внести в наши ряды смятение и замешательство...

На предательский выстрел 1-го декабря 1934 года вся страна ответила убийцам единодушным проклятием. Вся страна—миллионы и десятки миллионов людей всколыхнулись и еще раз доказали свою сплоченность и единство, свою преданность великому знамени партии Ленина—Сталина. Железной несокрушимой стеной стала страна Советов на защиту своих вождей, своих руководителей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами своей головой.

В этой безграничной любви миллионных масс трудящихся к нашей партии, ее Центральному Комитету, к нашему Сталину и его славным сподвижникам, в этой безмерной любви народа—вся сила защиты и охраны наших вождей, руководителей страны и партии от предателей, убийц и бандитов!

Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосятся золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечным сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся кривоносовские поезда и маршруты. Несокрушимо, как гранит, стоит на страже родных границ, окруженная любовью народа, Красная армия. Дороги и близки родные нам и всем, кто преисполнен сыновней любовью к своей матери-родине,—имена замечательных большевиков, неутомимых и талантливейших строителей нашего государства — Серго Орджоникидзе, Клима Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителей украинских большевиков Косиора и Постышева, руководителя ленинградских большевиков—Жданова. С непревзойденной любовью произносится во всем мире имя учителя и вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина!

Под руководством Советского правительства и нашей партии во главе со Сталиным окончательно и бесповоротно победил в нашей стране социализм. Под руководством нашей партии пролетариат нашей страны отобрал орудия и средства производства у капиталистов, уничтожил капиталистическую систему, опирающуюся на частную собственность, на эксплоатацию, на нищету и рабство. Под руководством нашей партии и советского правительства народы СССР осуществили великую индустриализацию нашей страны, удесятерили ее производства и национальные богатства, создав тем самым условия для счастливой и радостной жизни всех трудящихся нашей Советской Социалистической страны.

Победа социализма есть прежде всего победа нашей родной большевистской партии, ее ленинско-сталинской генеральной линии, ее ленинско-сталинского руководства, ее Центрального Комитета во главе с великим Сталиным.

На основе этих побед создан нерушимый союз всех трудящихся для дальнейшего укрепления и развития социализма. Создан и закреплен союз и дружба всех народов СССР для строительства социализма. Для обороны от внешних врагов, против социализма. Эти победы решительно изменили весь облик нашей страны, поднятой на невиданную высоту хозяйственного и культурного развития. Эти победы принесли рабочему классу СССР гигантское улучшение его материального благополучия. Уже много лет тому назад уничтожена безработица. Введен семичасовой рабочий день, против которого сидящие здесь на скамье подсудимых «герои» всегда так предательски боролись. Невиданных успехов, недостижимых ни в одной капиталистической стране, добилась наша страна в области развития и расцвета новой, подлинно человеческой социалистической культуры.

Эти победы принесли всей стране, каждому рабочему и колхознику, служащему и интеллигенту зажиточную и светлую жизнь. В этих победах — залог единства всего советского народа с нашим правительством, с нашей партией и с ее Центральным Комитетом. И разве не лучшим доказательством этого несокрушимого, подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства являются мыслимые только в нашей стране широкие массовые народные совещания передовиков фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей, животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства! Это проявление подлинного советского, истинного демократизма! И разве не служат ярким доказательством этого единства и те могучие волны народного гнева против гнусных убийц, которые перекатываются сейчас из конца в конец нашей страны!

1. Троцкистско-зиновьевский центр—банда презренных террористов

В течение предыдущих дней судебного процесса эти господа пытались принять «благородный» вид. Они, по крайней мере, их главари, не без рисовки говорили о своем террористическом заговоре; они искали и ждали политической квалификации своих преступлений, они говорили о политической борьбе, о каких-то политических соглашениях с какими то якобы политическими партиями. И хотя они признали, что в действительности никакой политической платформы у них не было, что они даже не испытывали нужды в создании какой-либо платформы, так как, по их собственному признанию, их платформу можно написать в один присест, в какие-нибудь два часа, они все же пытались разыгрывать из себя неподдельных политиков. Они всячески стараются изобразить дело так, будто они стоят на каких-то, пусть замызганных и затрепанных, но все же политических позициях. Эти попытки—лживое прикрытие их политической пустоты и безыдейности. И когда они говорили об интересах рабочего класса, об интересах народа, когда они будут говорить об этом в своих защитительных речах и в последних словах подсудимых,— они будут лгать, как лгали до сих пор, как лгут сейчас, ибо они пошли против единственно-народной политики—против политики нашей страны, против нашей советской политики. Лгуны и шуты, ничтожные пигмеи, моськи и шавки, вз'ярившиеся на слона,—вот что представляет собой эта компания!

Но они умеют пользоваться оружием и это опасно для общества. Это обстоятельство требует особых и самых серьезных мер против них. Посадить их на цепь недостаточно. Против них должны быть приняты более решительные и радикальные меры борьбы. Не политики, а банда убийц и уголовных преступников, воров, пытавшихся расхищать государственное достояние,—вот что представляет собой эта компания.

Эти господа признавали, что у них не было никакой программы, однако кое-какая «программа» у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики. Внутренняя политика определялась в их программе одним словом—убить. Они предпочитают, правда, говорить не об убийствах, а о терроре. Но надо называть вещи своими именами. Эти господа избрали убийство средством борьбы за власть. Цинично и откровенно они должны были сами признать здесь это.

Как увязывали эти господа их марксизм в ковычках с проповедью террора и террористической деятельности?—Никак! А ведь эти люди себя когда-то считали марксистами! Вероятно, обвиняемый Зиновьев и сейчас еще считает себя марксистом. Он говорил здесь, что марксизм не может быть увязан с террором, но марксизм может об'яснить, как они пришли к террору.

О том, как увязывается у них марксизм с проповедью террора и террористической деятельности, я спрашивал здесь на процессе обвиняемого Рейнгольда. Он сказал: «У Каменева в 1932 году, в присутствии ряда членов об'единенного троцкистско-зиновьевского центра, Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и несовместим с марксизмом, но в данный момент эти соображения надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин об'единяет всю силу и твердость партийного руководства, поэтому в первую голову надо убрать Сталина». Вот вам ответ, откровенно-циничный, наглый, но совершенно логичный. Вот вам и вся новая зиновьевская «философия эпохи».

Рейнгольд говорит: «Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы—завоевание масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалились. Поэтому единственный метод борьбы — это террор, террористические действия против Сталина и его ближайших соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора, Постышева, Жданова».

Это откровенно и нагло, но в то же время логично с точки зрения логики классовой борьбы, с точки зрения логики нашего врага, борющегося против страны социализма. Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало, жажда личной власти,—вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых.

Вся циничная беспринципность этих людей откровенно была показана здесь Каменевым. В своем об'яснении на суде он говорил о том, как и на какой базе был организован этот террористический заговор, как он назвал его.

«Я пришел,—говорил Каменев,—к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа социализма, что эта политика признана трудящимися массами».

Это заявление замечательно и по своей беспринципности и по наглому цинизму: именно потому, что «политика партии победила», они вели борьбу против ее руководителей.

«Ставка наша,—говорит Каменев,—на возможность раскола в партии также оказалась бита. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, то-есть путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь».

Подсудимый Каменев должен был быть более последовательным: если первый путь он назвал путем честного отказа от борьбы, второй путь надо было охарактеризовать, как путь бесчестной борьбы бесчестными средствами.

Он признал: «Мы выбрали этот второй путь, мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жаждой власти, к которой некогда были близки и от которой мы были отброшены ходом исторического развития».

Подсудимый Зиновьев говорит: «К концу 1932 года стало очевидным, что наши надежды не оправдались... Фактом было то, что генеральная линия партии побеждает. Здесь,—говорит Зиновьев,—со всей наглядностью сказалась полная беспринципность и безыдейность, которые привели нас к голой и беспринципной борьбе за власть» (Дело т. XII, л. д. 34).

Можно ли после этого разговаривать с этими людьми на каком бы то ни было политическом языке? Разве мы не вправе говорить с этими людьми только одним языком, языком уголовного кодекса, и рассматривать их как уголовных преступников, как отпетых и закоренелых убийц?

Такова их «программа» в области, если можно так выразиться, внутренней политики. Раньше они, хотя бы из стыдливости, мотивировали свою борьбу против руководства советской власти и партии недостатками, недочетами, затруднениями. Теперь они уже сняли с себя эту маску. Они признают теперь, что убедились в победе социализма в нашей стране. К террору, к убийствам они пришли вследствие безнадежности своего положения, от сознания своей изолированности от власти, от рабочего класса. К террору они пришли благодаря полнейшему отсутствию благоприятных для них перспектив в борьбе за власть другими средствами, другими способами.

Каменев признал, что организация террора была единственным средством, с помощью которого они надеялись прийти к власти, и что именно на базе этой террористической борьбы велись, и в конце концов успешно завершились, переговоры об об'единении между троцкистами и зиновьевцами. Террор—вот настоящая база об'единения троцкистов и зиновьевцев.

В этом не все они хотят признаться.

Товарищи судьи, вынося свой приговор в совещательной комнате, вы внимательно,—я в этом не сомневаюсь,—еще раз ознакомитесь не только со всеми материалами судебного следствия, но и с протоколами предварительного следствия: вы убедитесь, с каким животным страхом подсудимые старались уйти именно от признания террора, как основы их преступной деятельности.

Вот почему так вертится здесь Смирнов, он признает, что был членом центра, признает, что этот центр усвоил террористическую линию борьбы, признает, что сам получал от Троцкого директивы об этой террористической борьбе. Но в то же время всеми силами и средствами он старается доказать, что лично он, Смирнов, террора не принял, не был с этим согласен и даже договорился до того, будто он даже вышел из троцкистско-зиновьевского террористического центра или блока.

Я буду еще особо говорить о каждом из подсудимых, и в том числе о Смирнове, и постараюсь со всей полнотой, тщательностью и об'ективностью разобрать доказательства, которые уличают их в совершении тягчайших государственных преступлений. Сейчас я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что сами обвиняемые—не политические младенцы, а прожженные игроки в политической борьбе,—они прекрасно понимают, какой ответственности они подвергаются за то, что не только «теоретически» признали этот террор—и этого было бы достаточно, чтобы их головы положить на плаху,—но и за то, что эту «теоретическую» программу они переложили на язык террористической практики, на язык практических преступных действий.

2. Троцкий и Зиновьев, Каменев—заклятые враги и предатели трудящихся

Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского об'единения. Здесь совершенно согласно об этом показали люди, непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе. Это признали здесь не только Зиновьев и Каменев, Смирнов и Тер-Ваганян, Рейнгольд и Пикель, но об этом здесь говорили точно также и Берман-Юрин, и Фриц Давид, и Валентин Ольберг—этот оригинальный гражданин республики Гондурас, штатный агент Троцкого и одновременно германской тайной полиции—Гестапо.

Все эти лица под тяжестью пред'явленных им улик не смогли дальше запираться и должны были признать, что главным и даже единственным об'единявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства.

«На этом,—говорил Рейнгольд,—настаивали и сходились и троцкисты и все участники блока». Именно насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц.

Эти террористические настроения, положенные в основу организации троцкистско-зиновьевского блока в 1932—1936 гг., быть может наиболее отчетливо и характерно выражены обвиняемым Мрачковским, заявившим как на предварительном следствии, так и здесь на суде:

«Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы—это путь насильственного устранения руководителей партии и правительства».

Мрачковский говорил: главная задача состоит в том, чтобы убрать Сталина и других руководителей партии и правительства.

Вся звериная злоба и ненависть были направлены против руководителей нашей партии, против Политбюро Центрального Комитета—против товарища Сталина, против славных его соратников.

На них, во главе с тов. Сталиным, легла основная тяжесть борьбы с зиновьевско-троцкистской подпольной организацией.

Под их руководством, под руководством тов. Сталина—гениального проводника и хранителя ленинских заветов—была разгромлена контрреволюционная троцкистская организация. В ожесточенных боях с троцкистской контрреволюцией под их руководством была окончательно разбита наголову троцкистская контрреволюция.

В боях с этой троцкистской контрреволюцией тов. Сталин разработал и неуклонно проводил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране, вооружив этим учением миллионные массы рабочих и колхозников. Вот почему троцкисты и зиновьевцы, как и другие самые оголтелые контрреволюционные элементы, все свои силы, ненависть и злобу против социализма сосредоточили на руководителях нашей партии.

Вот почему в марте 1932 года в припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился открытым письмом с призывом «убрать Сталина» (письмо это было из'ято из потайной стенки гольцмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства).

Этот подлый призыв с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих заграничных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР, с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: «Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина—вот революционная задача. Кто революционер—у того не дрогнет рука». (Дело т. VIII, л. д. 62). С этой целью Троцкий занялся подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то «историческую миссию».

Берман-Юрин показывал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: «До тех пор, как Сталин не будет насильственно убран—нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами—Сталин должен быть физически уничтожен».

Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговоры об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания, предусмотренного нашим законом—расстрела?

Фриц Давид, Берман-Юрин, Рейнгольд, Ольберг В., сам Смирнов И. Н. разоблачили, в сущности говоря, роль Троцкого в этом деле до конца. Даже Смирнов, упорно запиравшийся в том, что принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, не мог не признать, что установка на индивидуальный террор в отношении руководителей советского государства и ВКП(б) была им получена в 1931 году лично от сына Троцкого Седова, что эта установка о терроре была подтверждена Троцким в 1932 году в директиве, привезенной из-за границы Гавеном и переданной Смирнову. Смирнов пытался смягчить остроту своего собственного положения ссылкой на то, что полученные им от Седова директивы о терроре были якобы личной установкой Седова. Но это пустое об'яснение. Ведь всем совершенно очевидно, что Седов никакого авторитета для Смирнова не представлял. Тер-Ваганян и Мрачковский подтвердили здесь это, заявив, что если бы они думали, что установки о терроре исходят от Седова, они наплевали бы на них с 6-го, 12-го или еще с более высокого этажа.

Обвиняемый Тер-Ваганян, один из главных организаторов об'единенного центра, подтвердил, что, будучи за границей, Смирнов действительно получил от Троцкого директиву о переходе к террору. Тер-Ваганян только завуалировал показание, заменив упоминае о терроре словами «острая борьба с руководителями ВКП(б)». Позже и он, однако, должен был расшифровать это и подтвердить, что речь шла о директиве, содержанием которой был террор и только террор.

Вы слышали, наконец, показания свидетельницы Сафоновой, очная ставка с которой, вероятно, крепко запомнилась всем, кто присутствовал здесь на суде. На этой ставке Сафонова, дело о которой выделено в особое производство, в виду продолжающегося следствия, полностью подтвердила, что Смирнов получил от Троцкого директиву об индивидуальном терроре в 1931 году через Седова, а впоследствии через Гаве.

На основании этих данных можно считать совершенно установленным, что именно директива Троцкого о терроре послужила основанием для развертывания террористической деятельности об'единенного центра. Директива об организации об'единенного центра и о переходе к террору, данная Троцким, была принята троцкистским подпольем. Зиновьев и Каменев, как руководители зиновьевской части блока, сами пришли к той же мысли и тоже приняли директиву Троцкого, как основу действий об'единенного центра и подполья.

Эти подлинные, закоренелые враги не могли спокойно смотреть на растущее благополучие нашего народа, нашей страны, вышедшей на широкую дорогу социализма.

СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм, тем сильнее их ненависть против ЦК, Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится.

В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убрать, убить! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрикуются фальшивые документы, завязываются тайные связи с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают. Вот в чем главное! Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только подготавливаются к этим злодейским преступлениям, но осуществляют их, стреляют и убивают!

Главное в этом процессе—в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе но и стреляют—стреляют и убивают! В этом — главное. Они убили тов. Кирова, они готовились убить товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Вот за что мы судим этих людей, этих организаторов тайных убийств, этих патентованных убийц. И вот почему мы требуем судить их строго, как велит нам наш советский закон, судить их, как требует наша социалистическая совесть.

Убийства — вот вся «программа» внутренней политики этих людей.

А внешняя политика?

Тут поднимаются загробные тени, здесь оживают старые «тезисы Клемансо», здесь снова видны троцкистские уши.

Личное письмо Троцкого, полученное Дрейцером, состояло из трех коротких пунктов: 1) убрать Сталина и Ворошилова, 2) развернуть работу по организации ячеек в армии, 3) в случае войны использовать всякие неудачи и возможное замешательство для захвата руководства.

Это—откровенная ставка на поражение.

Это тот же старый тезис Клемансо, но в новом издании под редакцией об'единенного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Фриц Давид показал на следствии и подтвердил здесь на суде (это полностью соответствует и ряду исторических документов, и показаниям других обвиняемых, и самому существу задачи, стоящей перед Троцким, Зиновьевым, Каменевым), что в одной из своих бесед с ним Троцкий спросил: «Как вы думаете, в случае войны Советского Союза с японцами исчезнет ли это недовольство?» (Он говорил о недовольстве, которое, по его мнению, существовало у нас в стране). «Нет, наоборот, говорил Троцкий, в этих условиях враждебные режиму силы будут пытаться соединиться воедино и в этом случае наша задача будет заключаться в том, чтобы об'единить и возглавить эти недовольные массы, вооружить их и повести против господствующих бюрократов». (Дело т. VIII, л. д. 61).

Это же Троцкий повторил в письме 1932 г. (очевидно, это у него идея фикс) и в беседе с Берман-Юриным.

«В связи с международным положением того периода, показывает Берман-Юрин, Троцкий указал мне, что особо важной является задача разложения наших военных сил, так как в случае войны с Советским Союзом огромные массы будут призваны в армию». Троцкий и троцкисты вместе с зиновьевцами и рассчитывали легко обработать эти массы. «Троцкий дословно сказал мне, добавляет Берман-Юрин, мы будем защищать Советский Союз в том случае, если будет свергнуто сталинское руководство» (Дело т. IV, л. д. 100).

Такова программа их внешней политики!

Может быть все это — выдумка? Может быть Фриц Давид и Берман-Юрин пустились здесь в фантастические измышления?

Может быть это все—вымысел, выдумка, безответственная болтовня подсудимых, которые пытаются возможно больше сказать против других, чтобы облегчить свою окончательную судьбу?

Нет! Это не выдумка, не фантазия!

Это истина! Кто не знает того, что Троцкий вместе с сидящими на скамье подсудимых Каменевым и Зиновьевым несколько лет тому назад провозгласили «тезис Клемансо», что они говорили о необходимости в случае войны подождать, пока враг подойдет на расстояние 80 клм. от Москвы, чтобы поднять оружие против советского правительства, чтобы свергнуть его. Ведь это исторический факт.

От него никуда не уйти. Именно поэтому приходится признать, что показания Берман-Юрина и Фриц Давида в этой части соответствуют действительности.

Такова была программа «внешней политики» этих людей.

За одну такую программу наш советский народ повесит изменников на первых же воротах! И поделом!

3. Двурушничество, обман, провокация—основной метод троцкистов-зиновьевцев

Обратимся теперь к методам, которыми действовали эти люди.

Это может быть одна из самых позорных страниц их позорной преступной деятельности.

В соответствии с «принципиальной» линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами, участники этого блока широко практиковали двурушничество в качестве основного метода своего отношения к партии и правительству.

Продолжение см. на 4 стр.

*) Ленин: «Очередные задачи советской власти», XXII том, стр. 457.

**) Сталин: «Вопросы ленинизма». Изд. X. стр. 510.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Продолжение речи государственного обвинителя Прокурора СССР т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Это двурушничество они превратили в систему, которой могли бы позавидовать любые азефы и малиновские всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами.

Рейнгольд показал, что в 1933-34 г. Зиновьев с глаза на глаз говорил ему, теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, что главная практическая задача, которая стоит перед их подпольем, заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не компрометировать себя».

Может быть это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное, — поучал своих соучастников Зиновьев, — отрицать какую бы то ни было связь с организацией, аргументируя несовместимостью террора со взглядами большевиков - марксистов». (Дело, т. XXVII, л. д. 112).

Троцкий в свое время тоже рекомендовал, в случае совершения террористического акта, отмежевываться от троцкистской организации и занять позицию, аналогичную той, которая была занята в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан, стрелявшей в Владимира Ильича. Мы знаем, что это значит. Мы помним, что после того, как Каплан выпустила свою предательскую пулю в Ленина, ЦК эсеров выпустил листовку, в которой категорически заявлял о своей непричастности к этому террористическому акту. Троцкий, Зиновьев, Каменев усвоили ту же тактику.

Зиновьев говорил: «Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня формулу «восстание есть искусство» — передавали ее по-своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина есть искусство».

Вот сидят на скамье подсудимых мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера! Но они все же сумели осуществить свое гнусное дело. В чем же состояло их «искусство»? В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это может быть один из самых ярких примеров в истории, когда действительно слово маскировка приобретает подлинное значение.

Эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися грешниками, порвавшими с прошлым, отказавшимися от своих старых заблуждений и ошибок, перешедших в преступления.

Характерно, что именно в тот период, когда об'единенный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активизировал свою деятельность, когда эта террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития и, нарастая, продвигалась к своему завершению подлым выстрелом в тов. Кирова, — именно в этот период Зиновьев обращается в Центральный Комитет партии с покаянным письмом. В этом письме, датированным 8-го мая 1933 года, т. е. в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрекается от всех своих прежних ошибок, но и лицемерно клянется в преданности социализму и партии. В те самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовя террористический акт против тов. Сталина, этот преступник, потерявший, как и все сидящие здесь, последний человеческий облик, заканчивал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду. Я прошу Вас вернуть меня в ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела. Даю слово революционера, что буду самым преданным членом партии и сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК». Мы знаем теперь, чего стоят эти слова, мы знаем, что Зиновьев сделал все, что можно, чтобы повредить партии и делу строительства социализма в нашей стране, делу всего международного коммунистического движения.

16 июня 1933 года он помещает в «Правде» статью «Две партии». В центральном органе нашей партии он публикует статью, в которой старается всячески доказать преданность партии, громит оппортунизм и поет аллилуия победам, одержанным партией.

Это было 8 мая и 16-го июня, т. е. летом 1933 года. А тем же летом того же 1933 года, как это теперь точно установлено, на совещании троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев поручает Бакаеву приступить к практическому осуществлению террора.

Зиновьев обиделся здесь на Смирнова, когда он упрекнул его в том, что он говорит неправду. Сам Смирнов не сказал здесь ни одного слова правды, а упрекает Зиновьева во лжи. Зиновьев обиделся и заявил, что разница между ними в том, что он решил твердо и до конца в последнюю минуту сказать всю правду, тем, как Смирнов принял, как другое решение».

Я позволю себе, товарищи судьи, предупредить вас против этого утверждения Зиновьева. Не верьте ему, что он действительно говорит здесь правду до конца.

Зиновьев и Каменев на Ленинградском процессе 15—16 января разыграли очень неплохо одну из сцен своей коварной вероломной маскировки. В своих об'яснениях (на судебном заседании от 15—16 января 1935 года) Каменев хотел произвести впечатление окончательно и искренне разоружившегося врага, выкладывающего все, что у него есть на душе против правительства и партии, он тогда припомнил какой-то эпизод, когда Зиновьев, что-то утаил из разговоров с Троцким. С пафосом и «неподдельным» возмущением Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев и сам Зиновьев пытались обмануть вас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же, как сейчас, буквально теми словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15—16 января 1935 г. для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией нынешнего процесса, которого они, может быть, не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

Я еще вернусь к этим «замечательным» показаниям, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить вас, а через вас, через суд и всю страну, — не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двурушников, изменников и предателей, к сожалению, имеющихся еще в наших рядах, говорящих о своих раскаяниях, отмежевывающихся, маскирующихся для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей страны, нашему великому делу. Ни малейшего доверия этим патентованным и прожженным обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: «А сейчас вы всю правду говорите?—Сейчас я говорю всю правду до конца».

Но где же доказательство этого, как им можно верить, когда они превзошли все представления о вероломстве, коварстве, обмане, измене, предательстве? Зиновьев довел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова послал в «Правду» некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: «Этот некролог не был напечатан, насколько я помню». И все.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если я не ошибаюсь то-ли 4, то-ли 7 декабря, вероятней всего 4-го декабря.

Этот некролог, посвященный тов. Кирову, вы, Зиновьев, назвали: «Человек-маяк». Как же вы начали свой некролог, который вы предназначали для печати и который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности?

«Это можно наблюдать в течение всех 17 лет нашей революции, — в каждый момент, когда враг изловчался нанести тот или другой удар большевикам. Так бывало, когда врагу удалось наносить чувствительный удар на полях гражданской войны, так бывало...» и т. д. и т. д.

И дальше Зиновьев писал: «Горе партии — есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии, есть траур всей великой страны... Весь народ ощутил горечь утраты».

Это верно, что горечь утраты и возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно испытывает вся страна от мала до велика.

Но вас то это в какой мере касается? «Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло поистине всю партию, весь Советский Союз». «Потеря этого любимого и родного человека всеми ощутилась как потеря своего, близкого, безгранично дорогого»...

Вот что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье!

Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова — обвиняемый Зиновьев?

Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убили Кирова, вы убили его своими собственными руками, на которых у вас краснеет кировская кровь!..

«Любимый сын партии»,—писали вы. Какое наглое кощунство!

«Сын рабочего класса — вот кем был этот человек—маяк», «Наш дорогой, глубокий, крепкий... Ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить и им нельзя было не гордиться».

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы цинизма!

Вот этот человек его любил, гордился им и убил его! Злодей убийца оплакивает свою жертву! Где и когда еще происходило что-либо подобное!

Что можно сказать и какие слова можно подобрать, чтобы исчерпать всю низость и мерзость этого факта: Кощунство! Двурушничество! Коварство!

Вы, именно вы, Зиновьев, своей кощунственной рукой погасили этот маяк, и вы же стали публично и притворно рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Кого вы убили?—Вы убили великолепного большевика, пламенного трибуна, опасного для вас человека, беззаветно боровшегося за ленинские заветы и вместе с тем против нас. Вы убили этого человека секундным выстрелом подлейшей руки Николаева, а через два—три дня вы пишете статью в «Правду» и называете его «погасшим маяком». Чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам! — В своем лексиконе я не в состоянии найти слов!

Перейдем к Каменеву — второму столпу так называемой зиновьевской группы, к этому притворщику (в своей «игре»), о котором он сам говорил на XVII съезде партии.

Я прошу суд обратить внимание на статьи Каменева, опубликованные в 1933 г. [illegible] Каменев публикует в «Правде» статью, где он так же, как Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клеймит свои ошибки, где он говорит, что «важнейшей фигурой оппозиции стал человек, десятки лет боровшийся с Лениным» и т. д. и т. д. [illegible]

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года [illegible] состоялось совещание по организации троцкистско-зиновьевского центра по подготовке террористических актов против руководителей партии и советской власти. Опрошенный здесь об этом Каменев [illegible]. Я спрашивал:

«Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году, в которых вы выражали преданность партии?

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже!

Вышинский: Хуже обмана, хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: Вы его нашли!»

Дальше он говорил, что дела это не только по соглашению с Зиновьевым, [illegible]

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения морали, если угодно, идеологии [illegible] Каменева, [illegible] за характеристикой его некоторых исходных нравственных позиций.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Макиавелли (том I-й). Она вышла в 1934 г. издательством «Академия», которым руководил тогда Каменев, с предисловием Каменева. [illegible] Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, поучая [illegible] в соответствии [illegible] интересами. [illegible] «Вы должны знать, что бороться можно двояко: один род борьбы—это законы, другой—сила; первый свойственен человеку, второй—зверю». Так как, однако, первого очень часто недостаточно,—приходится обращаться ко второму. [illegible] как зверя, так и человека».

[illegible] Каменев [illegible] «Мастер политического афоризма и блестящий диалектик» [illegible]

[illegible] Каменев [illegible] твердое [illegible] всех [illegible] добра и зла, [illegible] законного [illegible] Каменеву [illegible] диалектика: [illegible] преступным, [illegible] добро со [illegible] «советское» [illegible] примере [illegible]

«Макиавелли,—писал Каменев в [illegible] трактата [illegible] выразительности [illegible] которыми [illegible] современный [illegible] завоевать [illegible] своего [illegible]

[illegible] за этой [illegible] зоологические черты [illegible] в обществе, [illegible] на господстве [illegible] над [illegible]

[illegible] методы [illegible] борьбы, до[illegible] нести в [illegible] против нашего общества, против социализма. «Так, пишете вы, этот секретарь флорентийских банкиров и их посол при папском дворе, вольно или невольно, создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих»... Вы, Каменев, первый перенесли эти правила Маккиавели и развили их до величайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я вовсе не оперирую этой книгой для того, чтобы доказывать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто счел необходимым отдать этому обстоятельству несколько минут внимания, для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменевы и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умеющих мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма-ленинизма.

Бросьте эту шутовскую комедию. Откройте наконец и до конца свои настоящие лица. Здесь о книге Маккиавели Каменев говорит, как о снаряде огромной взрывчатой силы. Очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим снарядом, чтобы взорвать и наше социалистическое отечество. Просчитались. И хотя Маккиавели перед ними щенок и деревенщина, но все же он был их духовным наставником. Вы из «маккиавелизма», азефовщины черпали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений. Теперь это разоблачено самими Зиновьевым и Каменевым: убийства, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных, решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и цинично, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорили здесь и другие подсудимые и знаю, что характеристика этих методов достаточно исчерпана представленными мною материалами. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась убийством, их программа внешней политики—поражением СССР в войне, их метод — вероломством, коварством, изменой.

4. Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев — полностью доказана

Я перехожу к второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности так называемого об'единенного центра и к характеристике роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых. Не подлежит никакому сомнению, что об'единение зиновьевских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшееся осенью 1932 года, возникло и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть,—борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и троцкистов и зиновьевцев. Организация была. Подпольная, контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему оспорить это не удастся. Слишком сильны факты, слишком много данных для того, чтобы мы, обвинение, имели полное основание утверждать, что такая подпольная, контрреволюционная, троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана как террористическая; что она развернула свою деятельность именно как террористическую деятельность; что она подготовляла террористические покушения и что одно из этих покушений, к нашему величайшему несчастью и ужасу,—злодейское убийство 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова—она и осуществила. Это самое ужасное из всех преступлений, которое удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили «московский центр» в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над так называемым «ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котолынов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути. Следствие, руководимое НКВД, шло по правильному и верному пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишило нас возможности пред'явить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову, Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, в руководстве этим убийством, в осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу так называемого «московского центра», в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих сообщников, что они об'ективно подстрекали к убийству, создавали об'ективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно об'ективным, следствие и обвинительная власть не пред'явили тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинение в прямом подстрекательстве, прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия.

Однако, все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица—Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов—были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим по делу «московского центра» и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не приложили. При этом, говоря высоким стилем, они заявили, что контрреволюция избрала их орудием своей преступной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что кроме моральной и политической ответственности они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, но эту ответственность они якобы полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность пред'явленных им обвинений в этих пределах.

На суде 15-16 января 1935 г. Зиновьев говорил: «На скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек, с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немалое количество лет. Многое они делали по доверию ко мне, и я за это, конечно, должен себя казнить... Свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца, чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимал, как ошибку и преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда с данной группой...».

Я уже говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром, тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается только в хранении краденого. Это—обычные уловки уголовных преступников: перед лицом более тяжелых преступлений признаваться в более легких преступлениях. Это—способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют еще себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступникам.

Эту позицию занял и Зиновьев. Аналогичную позицию заняли—и это они не будут отрицать—также Каменев, Евдокимов и Бакаев. Пойманные в 1935 г. почти с поличным эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большее преступление.

Зиновьев говорил о «чистосердечном, искреннем» признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие-то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим об'ясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на ленинградском процессе 15—16 января 1935 года. «Верно,—говорил Зиновьев,—что нас судят по об'ективным чертам». Он говорил, что многих людей, сидевших в то время с ним вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертика, ни Каменева, ни Сахова. Зиновьев говорил, что суб'ективно они были «преданы» рабочему классу, тогда Зиновьев даже позволил себе утверждать, что и он, и они, 15 его соучастников, были суб'ективно якобы преданы рабочему классу и не хотели становиться на путь контрреволюции, а об'ективно получилось у них наоборот. Почему получилось обратное? Я бы хотел, чтобы, обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что суб'ективно он был предан рабочему классу, а об'ективно вышло наоборот. Не может так быть этого и так не бывает. Если об'ективно действительно получилось так, то это потому лишь, что ваша, обвиняемый Зиновьев, суб'ективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда вы говорили эти речи? Я прошу вас сказать и об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружались против Советского государства не только злобой, но и огнестрельным оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в то же время об этом так, чтобы скрыть, что и в этот момент вы продолжаете политику двурушничества.

Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем, для меня играл лично громадную роль именно этот момент». Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем и, само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства — это или несправедливость, или недоразумение, или на несколько месяцев. Это не есть оправдание. Но я высказываю все то, о чем действительно думаю, и этим самым я вынимаю из себя последнюю занозу тех преступлений, которые здесь разворачиваются». Последнюю занозу Зиновьев вынул на Ленинградском процессе!... Нет, он не вынул, он оставил эту занозу и не одну, а несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать готовить и совершать тягчайшее преступление.

Вы говорили:

> «... Я не мыслил иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.?»

Вот мысль, которая мучила вас — что без вас нельзя... Ваше положение в прошлом определялось делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами. Подходя к вопросу, был ли центр, вы говорите: конечно, он был до 1929 года. Вы пытаетесь утверждать, что в последующие годы центра не было, что, в сущности говоря, с 1929 года он не действовал.

Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр об'единенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он начинает более широко развертывать свою деятельность. В 1933 году он проявляет особенную активность, он подготовляет ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что «это не есть центр, который был в 1926—1927 гг.» и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил, «что была группа, которая состояла из Котолынова, Мандельштама, Мясникова и др.». Крупную роль играл Котолынов, о чем Зиновьев, якобы узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так. Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева - Котолынова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котолынов, Мандельштам и другие готовили преступление.

Здесь опять-таки обман, ложь, опять таки маскировка! «Мы искали с ним сближения». Зиновьев уже в 1935 г. должен был, при всей своей маскировке, признать, что он искал сближения с Котолыновым и Николаевым и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

Зиновьев рассказывает, что в 1932 г. он виделся с Левиным, расстрелянным в 1935 году по делу об убийстве тов. Кирова, и добавляет: «организационных разговоров у нас не было. Да в этом и не было особой нужды. Меня понимали с полуслова, я для него был авторитетом, и он для меня тоже был авторитетом; я знал, что этот человек из группы безвожденцев будет делать так, как мы скажем». Здесь еще содержится ряд полунамеков, полупризнаний, на основе которых впоследствии только, собрав полностью ряд изобличающих Зиновьева улик, можно было обеспечить и полное признание Зиновьевым своего участия в этом преступлении. Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

Еще в январе 1935 года по делу «московского центра» Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкой на то, что он ездил к Левину в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости.

Он все время пытался сказать: вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова: «для этой цели». Нет, Бакаев, этого мы не вычеркнем, этого вычеркнуть нельзя, ибо вы ездили «для этой цели», как мастер сих дел, террористических дел и ездили не случайно!

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Пикеля, не послал даже Евдокимова? Почему для переговоров с ленинградской группой, с группой будущих убийц т. Кирова, Зиновьев выбрал именно Бакаева? Ответ на этот вопрос я нахожу в об'яснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15—16 января 1935 г. На Бакаева падает выбор Зиновьева потому, что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был представителем зиновьевцев в Ленинграде, который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим в показаниях Зиновьева: «Знал его особенно близко Бакаев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде»...

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной? Антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противогосударственный, антисоветский характер!

Дальше Зиновьев говорил: «Я ему не давал никаких поручений». Ну, это, знаете, такое иезуитство, что дальше итти некуда. Это похоже на то, как один иезуитский монах, когда его спросили «Проходил ли этот человек здесь?»,—ответил, показывая пальцем у себя в рукаве: «Здесь он не проходил...»

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева. Бакаев ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили: «Я ему не давал никаких поручений», вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. Все вы—и Каменев, и Зиновьев, весь ваш центр вел переговоры с Левиным, Котолыновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной, уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проверял, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, с нетерпением ожидая, когда будет, наконец, уничтожен этот верный сын нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и пламенный трибун Сергей Миронович Киров. И они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котолынов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что из-за границы прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев об'явил «делом чести»—позорно употреблять здесь это слово—скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же, наконец, раздастся предательский выстрел в Ленинграде: вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно быстрее, возможно успешнее осуществить это свое злодеяние! Так рисуется роль и поведение в этом деле Зиновьева.

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но и всю уголовную ответственность и притом полную ответственность за подготовку, организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова.

Конечно, Зиновьев скажет: «Да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств!

Продолжение см. на 5 стр.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Продолжение речи государственного обвинителя Прокурора СССР т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Почти аналогичная позиция была и на том же процессе у Каменева. Аналогичная позиция была и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «московский центр». Желая разыграть благородного человека, он говорит, что, поскольку этот центр был, и это доказано, он за него отвечает.

У Каменева выходило: не знал, что был центр, но если центр был, значит, я знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно знал. Это было доказано. А теперь это подтверждено еще новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных шаек, действовавших в том же направлении. Доказательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело. И тогда Каменев пытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: я ослеп—дожил до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал в котором участвовал действием и бездействием, словом и молчанием. Какой-то спиритуализм. Спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали, как простую попытку прикрыться какими то фальшивыми словами и под фальшью этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому, что он организовал то, что вокруг него делалось. Каменев не ослеп, потому, что он действовал и словом и молчанием. Молчанием,—когда он не говорил: «не действуйте», когда он обязан был это сказать, и словом, когда он говорил: «действуйте», когда может быть, некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как к наставнику.

Каменев заявил: Я хочу сказать, не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Сафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал. С кем разговаривал? «С Толмазовым и Шацким». А Толмазов и Шацкий—это активные члены ленинградской зиновьевской банды, убившие тов. Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шацким, то-есть с одними из главных организаторов убийства тов. Кирова. Значит, на эти разговоры Каменев шел, ведя эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь, Каменев встал в позу и заявил: «Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место...

Последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что-же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на боевую борьбу или не ставил?

Тогда он говорил—«нет». Теперь, два дня тому назад, он сказал—«да». Тогда он говорил — «нет», потому, что он знал, он видел, что у нас нет еще всех нитей этого кошмарного преступления, потому, что тогда по состоянию следственного материала, не были раскрыты до конца все нити. Тогда он говорил—«нет». Сейчас, когда все уже вскрыто, он говорит—«да». Характерный факт! Он свидетельствует, какую большую, решающую роль играли в этой преступной каменевской «работе» личные мотивы. Каменев думал, что должно притти такое время, когда ЦК потеснится и даст ему там свое место. Неужели не потеснится? И не освободит ему там место? Тогда, он, Каменев, примет меры, чтобы место это освободилось.

Вот вся логика и политика Каменева! Логика и политика, которые никак не позволяют согласиться с тем, что он не принадлежит к категории людей, которых он сам назвал авантюристами. Нет. Он принадлежит, очевидно, к этой категории людей, как и к другой категории—к «фантазерам». Фантазии тут не мало. А желания претворить эту фантазию в практику, в жизнь, в живое дело, хотя бы путем авантюр, через блок со шпионами, диверсантами, охранниками, убийцами и путем непосредственных убийств — много. На это Каменев шел, к этому Каменев был готов. Вот что еще он говорил на ленинградском процессе: «Я говорю перед портретами этих великих строителей социализма...», а надо сказать, что там был и портрет, обрамленный траурной каймою, портрет тов. Кирова. Каменев клялся на суде перед портретом убитого Каменевым Кирова!

... «Перед портретами этих великих строителей социализма я преступник, если у меня не хватило сил самому уйти и увести кого можно было...».

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

5. Троцкистско-зиновьевский центр убил товарища Кирова

Выше я поставил вопрос: была ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: Да, он был, он возник в 1932 году. В его составе были Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Этот центр был и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева, и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре, как единственном средстве борьбы против руководства советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации: одного представителя этой конспиративной школы Троцкого—Зиновьева—Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь, в лице подсудимого Гольцмана. [illegible] в лице Смирнова [illegible] конспиратор. [illegible] он пустил в ход все те же методы [illegible], обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено, организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он связан через германских троцкистов, используя их для борьбы с нашим руководством и используя их связи с германским Гестапо в лице Тукалевских, Ольбергов и т. п.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями буквально всех подсудимых, в том числе и [illegible] Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгая [illegible] способами борьбы. Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических групп на Украине, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Убийство Сергея Мироновича Кирова входило, как я уже сказал, в общий план подготовлявшихся [illegible] против руководителей советского государства и ВКП(б). Это [illegible] установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10 августа. Он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве об'единенного центра троцкистско-зиновьевского блока, где он говорит, что в 1934 г. Зиновьев дал ему на этот счет прямую директиву. Бакаев это тоже подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым и представителями Троцкого—Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят: «Бакаев, с целью подготовки убийства, был направлен в начале ноября 1934 г., т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном в г. Ленинграде, для проверки подготовленности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым, приехал в Москву, сообщил [illegible] Зиновьеву [illegible], которые с удовлетворением встретили [illegible] подготовки этого злодейского преступления и стали ждать выстрела. Бакаев [illegible] и его [illegible] ждать [illegible] должны [illegible] одновременно [illegible] выстре[illegible].

Все это [illegible] доказано. Пусть подсудимые [illegible] оспаривать [illegible] в своих защитительных речах.

После длительного запирательства на предварительном следствии Зиновьев [illegible], о которых [illegible] детали. Еще осенью 1932 г. на даче у [illegible] была [illegible] кстати [illegible] террористический [illegible] Сталина, [illegible] Кирова, но [illegible] как [illegible] Каменев [illegible] ссылке.

Наступил 1933 г.—год оживления террористических настроений. [illegible] троц[illegible] и вот [illegible] Бакаеву [illegible] подготовка к убийству тов. Кирова. Зиновьев говорит: «Я не знал, как практически шла эта подготовка, помню, что практическое руководство по организации этого террористического акта [illegible] Зиновьев [illegible] было [illegible] в Ленинград [illegible] подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам о ходе подготовки? Было известно. Как же после этого вы [illegible] говорить, что вы не принимали практического участия в осуществлении убийства Кирова. Ваша попытка [illegible] Зиновьева—просто недобросовестна.

Каменев говорит так: «Было решено убить», и добавляет «я этому решению присоединялся». Разве это не практическое осуществление?

Бакаев упорно запирался на предварительном следствии и отрицал свою роль в подготовке убийства Кирова. Но его изобличил Карев, который напомнил ряд фактов, и тогда уже после этого Бакаев признался. Именно [illegible] полного сознания Бакаева [illegible] допроса Карева [illegible].

Убил Сергея Мироновича Кирова рука Николаева, Котолынова, его группы. [illegible] вал Зиновьева: когда организовался об'единенный центр? Зиновьев ответил: летом 1932 года. Я спросил: в течение какого времени он действовал? Зиновьев: фактически до 1934 года.

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932-33 г. г. Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Известно, что в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1 января 1933 года, а центр действовал. И Зиновьев подтверждает, что центр действовал.

Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошо организованной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как например, Смирнову, принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, что он от центра отошел. «Я же ничего не сделал, я же сидел», скажет Смирнов. Наивное утверждение! Смирнов сидел с 1 января 1933 года, но мы знаем, что Смирнов организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым Смирнов сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетельствует о том, что связь была, и Смирнов этого отрицать не может.

Но и это не решает вопроса, ибо в конце концов для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев и Каменев ответственен за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе. Смирнов, Зиновьев, Каменев они были организаторами центра, они дали направление деятельности своих террористов, всех этих Пикелей, Дрейцеров и других. Они же в полной мере и должны отвечать за это, независимо от того, находился ли кто либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно, и на этом подробнее, я думаю, можно не останавливаться. Как руководители, они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой ими организации и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

В чем выражалась деятельность центра? Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства».

Я спросил: Против кого? Зиновьев ответил: Против руководителей. Я спросил: то-есть против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией? Зиновьев: Да, нашим центром. Я спросил: В этом центре были вы Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян? Зиновьев: Да. На мой вопрос: Значит, вы организовали убийство Кирова? Зиновьев: Да.

За это преступление и должны отвечать Зиновьев, и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян и все остальные.

Наиболее упорно запирается Смирнов. Он признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это в несколько юмористической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Дрейцеру, он им сказал: «Вы хотите вождя? Ну, возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым. Смирнов был руководителем троцкистского подполья! Не случайно Зиновьев и Каменев рассматривали его как представителя Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия, у меня имеются все основания заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 г. был в Берлине и встретился там с Седовым и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и [illegible].

Правда, Смирнов отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было «личное мнение» Седова. Однако, приехав в СССР, он это «личное мнение» Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью.

Мы его спросили: где же логика? Если это было личное мнение Седова, вы были не согласны, как он утверждал, зачем же ему было его передавать своим членам подполья? Передавать, да еще не говорить, что он не согласен. Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не заявлял о своем несогласии с этой установкой. Что же следует в таком случае считать установлением? Встреча с Седовым в 1931 г. была?—Была. Седов—сын Троцкого—является его ближайшим и верным помощником во всей его политической деятельности?—Является. Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил?—Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре?—О терроре. И это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения, в конце концов, это совершенно безразлично. Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, ему незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит, это была «установка» и иначе быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с нею, он, как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер, должен был понимать, что он обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы. Смирнов—это не Гольцман. Гольцман—это ухудшенное издание Смирнова, но Смирнов—не Гольцман. Смирнов — это Смирнов. Он — руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согласен с основной линией этой группы! А основная линия этой группы—террор. И если он говорит, что в 1931 г. он слова Седова не понял, как установку, а принял их, как его личное мнение, то в 1932 г. он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавена. В это время он уже не мог более ссылаться на то, что это было чье-то «личное мнение», ибо если это была действительно «личная» установка, то установка Троцкого! От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок! Есть троцкистское решение, линия Троцкого на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 г. получили директиву от Дрейцера, не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 г. вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: Террор, убрать Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: я получил его, но не принял. Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все таки сохранили в себе понятие политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав это указание Троцкого, пересланное вам через Гавена, не порвать с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому вы и говорите—я порвал, я ушел. Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал! Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Мы можем утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре и вы ее приняли. Вы не были бы Смирновым если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласны с основной установкой этой группы, не будучи согласны с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете проклинать Троцкого. Вам никто не поверит потому, что вы на этом суде не сказали и не хотите сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Путна. Вы хотели сохранить резерв, который может быть, не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова.

Первое — Смирнов был членом об'единенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он—один из важнейших организаторов центра.

Второе. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 году. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление его деятельности.

Третье. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что получив эту директиву он не присоединился к ней, хотя в то же время оставался в рядах троцкистского подполья,—шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть еще одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: Ну, террористическая основа, ну, террористические настроения, разговоры о том, что террор есть единственное средство, — но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных на сколачивание террористических групп, на осуществление террора?

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстояло дело?

Конечно, не так. Зиновьевцы пошли за троцкистами и, в частности, за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора и не вообще на осуществление террора, а на осуществлении террора против товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь тов. Сталин и тов. Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов — этот последовательный и вполне убежденный, непримиримый троцкист должен был направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии, руководителей нашей страны. Смирнов убеждал Зиновьева: Давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее убьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, петушком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипятиться, как бы не отстать...

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством поторопиться. С платформой он не торопиться. Он говорит: В один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда более верное, по их мнению, средство—убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство тов. Кирова было совершено в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

6. Маска с обвиняемых сорвана

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева полностью установлена и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять плечом к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали Кирова, а поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать.

Смирнов прекрасно понимает это и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все отрицал: Он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал наличие центра, он отрицал свое участия в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 г., а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать передачу преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолирован.

Он все отрицал—он отрицал наличие троцкистского центра в 1931 г., он отрицал существование такого центра в 1932 г.—он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: «Я это отрицаю, еще раз отрицаю, отрицаю», Это единственное, что ему оставалось делать. Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изобличены показаниями Сафоновой, Мрачковского, Тер-Ваганяна, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло. Вы отрицали и говорили, что никакой директивы о терроре не получали, но вас в этом изобличил Гавен, и вы признали, вас изобличил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам, директиву о том, что сейчас необходимо перейти к террору. Сугубо законспирированный троцкист Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить. Нет, этому никто не поверит. Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов, — я признаю все, кроме террора,—потому что он знает, что за террор может свалиться с плеч его голова. В терроре Смирнова изобличил и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейцер. 21 июля вы дали несколько иные показания (л. д. 51, т. 29), т. е. вы в начале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло. На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: «что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашечке.»—Я могу это повторить: «Неужели вы думаете, подсудимый Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невредимым?» Вы на слова Мрачковского ответили: «Выдумка и клевета», а потом вы все же кое-что признали. Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора, и таким образом являлись одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре. Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко помешал участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогали этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет. Сафонова—его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет и на личные счеты он свалить не может. Он говорит: «Не помню», «очевидно такой разговор мог быть». Его спрашивают: был разговор об организации террора? «Не был, а мог вестись». Такая - же животная трусость им руководит сейчас, когда он, маскируясь, говорит: «Мне на это нечего отвечать». Но 13 августа он вынужден был признать, что в 1932 г. этот разговор был, что он, Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

Я хочу перейти к Тер-Ваганяну. У него в начале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все поведение на суде, можно притти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Ваганян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и «не сделал ничего», то и то, что он сделал, достаточно, чтобы дать ему статью 58-8, 19-58-8, 58-11 Уголовного кодекса.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, как он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он явился по сути преемником той группы, которая до него уже была сколочена здесь Францем Вайцем, фашистским агентом и доверенным агентом и доверенным лицом Гимлера, начальника фашистской черной охранки, начальника германских охранных отрядов, а впоследствии начальника германского Гестапо.

Вы помните все их показания, и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью, категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, старался показать, как глубоко и низко было это падение этих людей, и моральное и политическое. И, может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного морального падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов, это о чем говорил здесь Рейнгольд. Я говорю об их плане уничтожения следов злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, намечали председателем ОГПУ ни кого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен, как злобный ненавистник, как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, с громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения тех целей, которые он перед собой поставил.

Если некоторые из обвиняемых совершенно спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым решительным и не самым неумолимым исполнителем этого плана. Именно этот человек и предназначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфелей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовляющемся государственном заговоре, и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, а затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Кеменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна, и Зиновьев сказал, что это из Жюль-Верна—но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, в которых такие эксперименты были, где участники заговора физически уничтожались рукой организаторов заговора, как это и было с уничтожением Рема и его сподвижников!

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему-же вы это называете Жюль Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, но не в этом вопрос и не в этом суть. Это—один из замечательных штрихов, характеризующих людей, которые претендовали на руководство нашей страны. Это говорит о том, какое счастье, что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки, но позвольте, а убийство зиновьевского секретаря Богдана — это что?! Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека. Рейнгольд говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого открещивается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольдом и Пикелем доказано, что «самоубийство» Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению об'единенного центра! «Ты колеблешься осуществить задание нашего об'единенного троцкистско-зиновьевского центра? Мы тебя убьем, или сам убей себя». Так говорил Богдану Бакаев и Богдан не выдержал... На случай успеха террористического заговора, самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить как гибель «жертвы» нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или итти на террористический акт, или покончить с собой.

Если вы, товарищи судьи, поставите этот эпизод в общую связь со всеми методами борьбы, со всеми методами «работы» этой преступной шайки, вы легко поймете всю правдивость показаний Рейнгольда и Пикеля, которые здесь на суде еще и еще раз разоблачили Зиновьева, Каменева и Евдокимова, как авторов ряда тяжелых преступлений.

Окончание см. на 6 стр.

ПРОЦЕСС ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Окончание речи государственного обвинителя Прокурора СССР т. А. Я. Вышинского

7. Взбесившихся псов—расстрелять всех до одного

Я, товарищи, судьи, кончаю. Подходит последний час—час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны. Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора и других руководителей нашей страны, победившего, растущего и расцветающего нового социалистического общества. Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой «Народной воли», пытались сравнивать кое-кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадным жестоким врагом — царским правительством. Называли и имя Гершуни, говоря не то о Бакаеве, не то о Смирнове. Это не выдерживает никакой критики. То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполином, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народовольцев.

Гершуни не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа.

А вы — кучка подлинных контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции! Вы выступили против свободы и счастья народов! Стыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Тронутый уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда, своими особыми путями и методами, но всегда безупречными, действовали во времена «Народной воли» в борьбе против царского самодержавия за свободу — я решительно отметаю кощунственную параллель.

Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами—преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы—вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые пред'являет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей всех шестнадцать виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые пред'явлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!

ЦК ВКП(б) извещает о том, что кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. **Томский**, запутавшись в своих связях с контрреволюционными троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством.

Окончание вечернего заседания 21 августа

Вышинский: Вы, значит, проникли на конгресс?

Фриц Давид: Да, я был на конгрессе.

Вышинский: Почему террористический акт не состоялся?

Фриц Давид: В обвинительном заключении правильно говорится о том, что я не мог приблизиться к Сталину.

Вышинский: Вы пошли на конгресс, чтобы совершить покушение?

Фриц Давид: Конечно.

После VII конгресса к Фриц Давиду дважды являлись посланцы от сына Троцкого—Седова, которые от имени Седова обвиняли террористов в недостаточной активности и предлагали им ускорить террористический акт, согласно указаний Троцкого.

Вышинский: Эти встречи происходили на основе ваших террористических планов?

Фриц Давид: Встречи были вызваны тем, что акт на VII конгрессе не произошел, и это вызвало ярость Седова.

Вышинский: Но у вас прошли эти террористические настроения или сохранились до последнего времени?

Фриц Давид: Да, сохранились.

Вышинский: До какого времени?

Фриц Давид: До ареста.

Вышинский: Таким образом, можно подвести итоги. Вы были членом троцкистской организации и лично виделись с Троцким. Троцкий лично командировал вас в СССР для того, чтобы совершить террористический акт, предупредив вас, что вы должны быть строго законспирированы. Этим об'ясняется то, что вы не вступили в связь с другими членами троцкистской организации, кроме Берман-Юрина. Вместе с Берман-Юриным, который получил аналогичное поручение, вы подготовили покушение на товарища Сталина, приурочивая это к VII конгрессу в 1935 г. Вы лично проникли на конгресс, воспользовавшись своими связями в Коминтерне, чтобы совершить этот акт, но это вам не удалось по обстоятельствам, от вас не зависящим.

Фриц Давид: Этот последний момент я отчасти оспариваю не для того, чтобы смягчить свою вину, а просто, чтобы представить все характерно.

Вышинский: Тогда скажем: по объективным обстоятельствам?

Фриц Давид: По объективным и субъективным факторам.

Вышинский: Но вы не будете отрицать предъявленного вам обвинения в том, что вы участвовали, но не удалось вследствие того, что вы не смогли проникнуть поближе к Президиуму и не имели возможности приблизиться к товарищу Сталину?

Фриц Давид: Это одна причина.

Вышинский: Да, это одна причина, но причина отведенная, объективная, а все остальное—это психология.

На этом допрос обвиняемых закончен.

Заявление Прокурора Союза ССР тов. Вышинского

После допроса подсудимых на вечернем заседании 21 августа Прокурор Союза ССР тов. Вышинский сделал следующее заявление:

«На предыдущих заседаниях некоторые обвиняемые (Каменев, Зиновьев и Рейнгольд) в своих показаниях указывали на Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Радека, Пятакова, Серебрякова и Сокольникова, как на лиц, причастных в той или иной степени к их преступной контрреволюционной деятельности, за которую обвиняемые по настоящему делу и привлечены сейчас к ответственности. Я считаю необходимым доложить суду, что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования этих заявлений обвиняемых в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека и Пятакова, и в зависимости от результата этого расследования будет Прокуратурой дан законный ход этому делу. Что касается Серебрякова и Сокольникова, то уже сейчас имеющиеся в распоряжении следственных органов данные свидетельствуют о том, что эти лица изобличаются в контрреволюционных преступлениях, в связи с чем Сокольников и Серебряков привлекаются к уголовной ответственности».

В конце вечернего заседания 21 августа подсудимый Дрейцер, отвечая на вопросы тов. Вышинского по поводу некоторых подробностей контрреволюционной деятельности троцкистско-зиновьевского центра, заявил, что одним из активных участников террористической работы троцкистов был Путна—активный старый троцкист. По словам Дрейцера, Путна с двурушнической целью отошел в свое время от троцкистов, но продолжал до самого последнего времени вести глубоко законспирированную работу для троцкистского центра. В частности, показывает Дрейцер, Путна имел связь непосредственно с Троцким, встречался с И. Н. Смирновым и в 1932 г. передал Смирнову через Дрейцера устную директиву Троцкого об организации террористических групп. Подсудимый Смирнов, продолжая свою тактику, пытается отрицать факт участия Путна в террористической деятельности троцкистов. Однако, на вопросы тов. Вышинского подсудимые Пикель, Рейнгольд и Бакаев подтверждают показания Дрейцера.

По окончании допроса подсудимых председатель суда тов. Ульрих объявляет судебное следствие законченным.

Утреннее заседание 22 августа

Все утреннее заседание 22 августа было заполнено речью государственного обвинителя Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского, которая продолжалась 4 часа.

Вечернее заседание 22 августа

После открытия вечернего заседания председательствующий тов. Ульрих обращается к каждому из подсудимых, предоставляя им слово для защитительной речи, поскольку они отказались от защитников. Все подсудимые поочередно заявляют суду, что они не будут произносить защитительной речи, мотивируя это тем, что они воспользуются правом последнего слова. Ряд подсудимых при этом подчеркивает, что они не считают себя вправе защищаться, поскольку они совершили тягчайшие преступления, которые они признали полностью.

После короткого перерыва суд приступил к выслушиванию последних слов подсудимых. В течение вечернего заседания произнесли последнее слово подсудимые Мрачковский, Евдокимов, Дрейцер, Рейнгольд, Бакаев и Пикель.

ТЕЛЕГРАММЫ

Военно-фашистский мятеж в Испании

ПАРИЖ, 22 августа (БЕЛТА). Подтверждается, что республиканскими силами занята Кордова (на юге Испании), после ожесточенной штыковой атаки.

Дорога из Ируна в Сан-Себастиан свободна. В Сан-Себастиане полное спокойствие. Фронт отстоит на 15 клм. от города близ Вильябона.

Колонна республиканцев, одержавшая на-днях победу у Навальперала на фронте Гвадаррамы, вчера вновь обратила мятежников в бегство, захватив 5 пушек, 7 пулеметов, поезд со снаряжением и ружьями и т. д. Колонны, действующие на востоке Испании, южнее Сарагоссы, продолжают окружение города Теруэль.

Республиканские дружины, направляющиеся на Сарагоссу, нанесли тяжелое поражение отряду мятежников.

Часть города Бельчите (близ Сарагоссы), занятая мятежниками, бомбардирована авиацией республиканцев.

ЛОНДОН, 22 августа (БЕЛТА). По сообщению «Дейли телеграф», на Ирун-Сан-Себастианском фронте мятежники были вынуждены сдать свои позиции в Сан-Мартиале. У мятежников острая нехватка горючего. Вчера правительственными войсками в Хихоне заняты последние здания, в которых еще продолжали держаться последние отряды мятежников.

С момента возникновения фашистского мятежа свыше 6 тысяч солдат перешли от мятежников на сторону правительственных войск.

Корреспондент «Ньюс кроникл», совершивший поездку из Барселоны в Валенсию на мотоцикле, подчеркивает, что, путешествуя таким образом, можно понять, до какой степени весь народ поднялся на защиту правительства. Во всех деревнях воздвигнуты баррикады.

Настроение крестьян проявляется в простой фразе, которую часто можно услышать: «Теперь не приходится говорить об отдельных странах—есть только фашисты и антифашисты».

К военно-фашистскому мятежу в Испании.
НА СНИМКЕ: отряд народной милиции перед отправлением в Сан-Себастиан. На заднем плане—броневик, переделанный металлистами Вильбао из грузовика. Надпись на броневике гласит: «Братья, не стреляйте!».
(Снимок «Франс-Пресс»).

Кордова занята правительственными войсками

ПАРИЖ, 22 августа (БЕЛТА). По сообщению агентства Гавас, каталонские власти передали по радио из Барселоны, что правительственные войска заняли вчера Кордову.

Кровавые столкновения крестьян с полицией

ВАРШАВА, (БЕЛТА). По сообщению газет, конфискован последний номер центрального органа оппозиционной крестьянской партии «Стронництво людове»—«Зелены штандарт». Газета конфискована за описание происходивших 15 августа кровавых столкновений крестьян с полицией в Вежхословице (Краковское воеводство) и ряда крестьянских демонстраций в других местах Польши.

Международный турнир в Ноттингэме

Ботвинник выиграл у Томаса

В одиннадцатом туре 22 августа **Ботвинник** выиграл у **Томаса**. **Файн** сыграл вничью с **Тартаковером**, **Эйве** с **Капабланкой**.

Ржешевский выиграл у **Ласкера**, **Алехин**—у **Александера**, **Флор** у **Винтера**.

Партия **Тэйлор—Видмар** отложена.

После 11-го тура впереди Ботвинник—**7,5** из 10. За ним Файн и Эйве по **7** из 10. Ржешевский 7 из 11.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЛАВЫ ИСПАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ХИРАЛЯ

ЛОНДОН, 22 августа (БЕЛТА). Председатель испанского совета министров Хираль в беседе с корреспондентом «Дейли телеграф» заявил, что нет необходимости предпринимать какие-либо действия по поводу инцидента с германским пароходом «Камерун». По словам премьера, пароход, который направлялся в Кадикс, был задержан в испанских водах и на нем была обнаружена нефть. Импорт нефти запрещен и германскому судну было предложено вернуться.

На вопрос, сколько времени еще продлится гражданская война, премьер ответил, что не может сказать, но что он ожидает решительных событий в течение ближайших двух или трех недель.

Однако, партизанская война, по словам премьера, возможно будет продолжаться в течение нескольких месяцев.

Движение солидарности с испанским народом

ПАРИЖ, 21 августа (БЕЛТА). Повсюду во Франции происходят многочисленные демонстрации в знак солидарности с испанским народом. В демонстрациях участвуют тысячи рабочих. Французская коммунистическая партия организовала вчера собрание в Сен-Дени (предместье Парижа). С большой речью выступил генеральный секретарь компартии Торез. Принята резолюция, требующая, чтобы правительство прекратило торговую блокаду республиканской Испании.

В то же время многие политические, профсоюзные, спортивные, научные и муниципальные организации выражают протест против невмешательства и требуют свободы торговли с законным правительством Испании. «Юманите» печатает воззвание, подписанное профессором Ланжевеном, Мальро, Блош, Кюдене, Журденом, Валлоном и другими, приглашающее друзей мира и свободы во Франции содействовать сбору средств на покупку самолетов и вооружения для правительства Испании.

ПАРИЖ, 21 августа (БЕЛТА). Как сообщают из Мадрида, туда прибыла делегация французских муниципалитетов, возглавляемых партиями народного антифашистского фронта. Во главе делегации—коммунистический депутат Пижинье. Делегация беседовала со статс-секретарем министерства внутренних дел. Пижинье предложил создать во Франции центр, который принимал бы на воспитание сирот испанских республиканских бойцов. Статс-секретарь министерства горячо благодарил французскую делегацию за ее предложение.

ЛОНДОН, 21 августа (БЕЛТА). В связи с сообщениями из Испании, известный ученый Гексли в обращении, опубликованном в «Дейли уоркер», призывает создать общий фронт борьбы против фашизма. По словам Гексли, все демократические элементы в Англии должны забыть о своих разногласиях и об'единиться в одном демократическом народном фронте.

НЬЮ-ИОРК, 21 августа (БЕЛТА). Нью-иоркская окружная организация компартии внесла 8 тысяч долларов в профсоюзный комитет, который поставил своей задачей собрать 100 тысяч долларов в фонд помощи испанским рабочим.

Ответственный редактор
А. З. ХАИН-ЮМСКИЙ.

Партком, президиум и группком Академии Наук БССР с глубокой скорбью сообщают о смерти работника академии
Никодима Викторовича МУРЗИЧА
и выражают сочувствие его семье.

Коллектив сотрудников учдора 711 Ушосдора НКВД БССР выражает соболезнование технику учдора 711 тов. КАЛИННИКУ А. В. по поводу постигшего его горя—смерти
МАТЕРИ.

Уполн. Главлитбела № А—495. Тираж 35.000 экз. Типография им. СТАЛИНА.